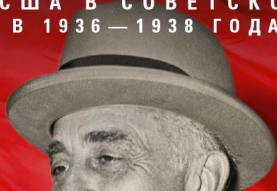

Д Ж О З Е Ф Д Э В И С

ПОСОЛ С Ш А В С О В Е Т С К О М С О Ю З Е
В 1936 — 1938 Г О Д А Х

МИССИЯ В МОСКВУ

Воспоминания доверенного лица президента
Рузвельта о советской стране, ее лидерах и народе.
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНЫЕ ДОНЕСЕНИЯ БЕЛОМУ ДОМУ

Джозеф Эдвард Дэвис Миссия в Москву.

Воспоминания доверенного лица президента Рузвельта о советской стране, ее лидерах и народе. Совершенно секретные донесения Белому дому

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69062203

*Миссия в Москву. Воспоминания доверенного лица президента
Рузвельта о советской стране, ее лидерах и народе. Совершенно
секретные донесения Белому дому / Дэвис Дж.Э., Пер. с англ. В.В.*

Найдёнова: Центрполиграф; Москва; 2023

ISBN 978-5-9524-5936-6

Аннотация

Джозеф Эдвард Дэвис – дипломат, юрист, специалист по международному праву, посол США в СССР с конца 1936 г. до середины 1938 г. Наряду с выполнением прямых дипломатических обязанностей в должности посла Дэвис собирал сведения об экономике Советского Союза, промышленности,

культуре, условиях и образе жизни граждан страны. По заданию президента посол должен был дать оценку сильных и слабых сторон советского руководства, основанную на личном наблюдении. И Дэвис выполнил поставленную перед ним задачу: по оценке Рузвельта он «проявил удивительные способности оценивать текущие события и с необыкновенной точностью определять их влияние на будущее». В работе над книгой автор использовал документальные материалы, представив конфиденциальные депеши в Госдеп, выдержки из дневников, официальную и личную переписку.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	9
О книге	21
Часть первая	24
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Джозеф Эдвард Дэвис Миссия в Москву.

Воспоминания доверенного лица президента Рузвельта о советской стране, ее лидерах и народе. Совершенно секретные донесения Белому дому

*Двум великим женищинам – моей матери и моей
жене*

*Мы, конечно, не можем отказать ни одному
народу в праве, на котором основано и наше
собственное правительство. Суть такого права
в том, что каждый может управлять собой по
собственному желанию и вести свои дела через
любой орган, который сочтет нужным, будь то
король, конвенция, собрание, комитет, президент
или любой другой, который для себя выберет.*

Томас Джефферсон

Москва

ЦЕНТРОЛИГРАФ

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2023

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф»,
2023

Предисловие

Это произошло 25 августа 1936 года. Тот день я помню хорошо, потому что это был день рождения моей матери. Я был в Адирондакских горах. По междугородному телефону мне позвонил мой старый друг, секретарь Стив Эрли из Белого дома, и сообщил, что меня хочет видеть президент. Я тотчас же отправился в Вашингтон. Президент принял меня в Исполнительном управлении Белого дома. За обедом, который нам подали на стол в его кабинете, он сообщил, что хотел бы поговорить со мной о возможном дипломатическом назначении за границу.

Предыстория этой ситуации уходит во времена администрации президента Вильсона, когда мы оба были еще молодыми людьми, преданными прогрессивному делу Демократической партии. Так было и до, и во время правления администрации Вильсона. В те далекие годы между нами завязалась теплая дружба. Мы вместе регулярно, насколько позволяла наша работа, играли в гольф, у нас было много общего в политических взглядах, и вообще мы довольно часто виделись. Даже в те дни он был довольно заметной фигурой. В начале правления Вильсона существовал так называемый «Клуб общих советов», где мы все вместе собирались два раза в месяц. По своему характеру он походил на «Малый кабинет» более позднего времени. В этом высоком, краси-

вом молодом помощнике министра ВМС все видели будущего великого прогрессивного либерала, за которого мы все – в случае избрания на пост президента – отдали бы свои голоса. Во всех последующих политических кампаниях я, наряду с другими людьми, активно участвовал в его поддержку – вместе с Луисом Хоу и прочими политическими деятелями. И на протяжении всех этих лет наша дружба оставалась теплой и крепкой.

Одной из самых прочных составляющих нашей дружбы являлись наши матери. В молодости я слыл фаворитом миссис Рузвельт среди друзей ее сына; с годами наша дружба окрепла, и эта великая леди и замечательная женщина не переставала проявлять доброту к моим детям. Когда они учились в Вассарском колледже, она, к их огромному удовольствию, часто приглашала их на чай в Гайд-парке. Моя мать была служителем Евангелия. И с большим восхищением относилась к молодому помощнику министра военно-морского флота. Среди всех молодых людей того времени он был ее любимцем. Она была абсолютно убеждена, что когда-нибудь он станет президентом Соединенных Штатов. В первые годы своего правления он часто говорил мне, что хотел бы видеть меня в своем ближайшем окружении, но тогда я был слишком загружен своей профессиональной практикой и не мог ее оставить.

Во время обеда с президентом мы беседовали, обсуждая старые времена. Затем он сказал мне, что после обсуждения

вопроса с государственным секретарем (Корделлом, как он его называл) он захотел, чтобы я поступил на службу в его администрацию и занял дипломатический пост за границей. Он спросил, куда бы я хотел поехать. Я ответил: «Либо в Россию, либо в Германию». По моему мнению, это были самые динамичные места в Европе. Его ответ был весьма типичен. Он считал, что ему и самому «очень хотелось бы» увидеть нынешнюю Россию. Только что умер Джесси Страус, наш посол в Париже. Я откровенно заявил, что ни миссис Дэвис, ни я сам не хотели бы ехать в Париж. Должность посла в Германии, сказал президент, еще не освободилась, но скоро освободится, поскольку наш посол Додд в Берлине расстроен и скоро уйдет в отставку. Поэтому, сказал он, я поеду в Россию, но ему хотелось, чтобы в течение года я был готов к переводу в Берлин, так как в конечном счете ему нужно, чтобы я отправился именно туда. Он был рад узнать, что я говорю по-немецки. По его словам, Россия должна стать жизненно важным фактором в связи с войной или миром в Европе, и ему хотелось бы получить мою личную оценку сильных и слабых сторон этой ситуации, основанную на личном наблюдении. Более того, служба в Москве будет полезна в связи с последующей службой в Берлине. По его мнению, ситуация в Германии определит, ждет ли Европу мир или война. Это, по его словам, определит, что в итоге ждет весь остальной мир. Хотя сам он не слишком верил, что мир удастся сохранить, тем не менее он хотел бы всячески способствовать

предотвращению войны в Европе, если такое возможно. Для нас в Соединенных Штатах это был очень важный вопрос. По его мнению, все зависит от Германии, точнее, от Гитлера. Все зависит от того, чего у Гитлера больше: «воли к миру» или «воли к завоеваниям». Если верно второе, то, вероятно, ничего нельзя будет сделать, и война неизбежна. Но если первое, то Германия должна начать сотрудничать со всеми миролюбивыми странами в попытке урегулировать любые экономические или другие ситуации, порождающие войну. Доступ к сырью, политическая безопасность и разоружение – все это необходимо, чтобы мир не был охвачен ужасом войны, с неизбежными лишениями, которые обрушатся на народы мира и последующие поколения. Президент считал, что моя подготовка и опыт позволяют быть полезным для его плана, заключающегося в том, чтобы попытаться оказать возможное содействие в сохранении или укреплении мира. По его мнению, обе стороны исповедовали желание сохранить мир, и обе стороны обвиняли друг друга в недобросовестности и желании добиться особых преимуществ или мирового господства путем расширения собственной власти. В их отношении к разоружению заключена простая проверка на истинные цели, будь то стремление к миру или завоеваниям. Проблема осложняется различными техническими деталями и степенями ограничений на конкретные виды вооружений. Президент вынашивал идею о том, что если все страны согласятся прекратить производство любого военно-

го оружия, которое тяжелее того, что человек способен нести на плече, то такое соглашение о разоружении в сочетании с соглашением о справедливом доступе к сырью и т. д. поможет сохранить мир. Военные силы по такому плану сводились бы к чисто полицейским силам, и ни одна нация не могла бы с помощью военной мощи угрожать своему соседу или достичь такого военного господства, которое угрожало бы остальному сообществу наций. По словам президента, ему хотелось, чтобы я задумался над всем этим и именно под таким ракурсом изучил положение в Европе. В любом случае это послужит проверкой искренности позиции Гитлера в отношении сохранения мира.

Он сказал, что при подготовке к работе в новом качестве в Государственном департаменте мне следует делать это с учетом конечного плана, согласно которому в течение года я должен буду отправиться в Берлин в качестве посла. А до тех пор я могу поехать в Москву. Я выразил свое удовлетворение по поводу возможности поехать в Россию в качестве посла. Потом мы немного посплетничали о старых временах эпохи Вильсона, и он вспомнил, что впервые я мог получить должность посла в России в 1913 году, когда это назначение предложил мне президент Вильсон. Но тогда я отказался, поскольку хотел баллотироваться в Сенат от штата Висконсин.

В соответствии с предложением президента я немедленно встретился с государственным секретарем, моим старым другом Корделлом Халлом. Тот сообщил, что они с прези-

дентом обсудили мое назначение, и он искренне согласен и весьма рад, что я буду работать в его министерстве. Потом мы подробно обсудили всю европейскую ситуацию, включая Германию и Советский Союз.

Вот так я и оказался в Москве.

Читатель также может задаться вопросом, зачем вообще понадобилось издавать эту книгу. Собственно говоря, книгу я писать не собирался, но времена изменились. Россия находится в гуще борьбы, от разрешения которой зависит, будет ли сообщество народов Земли упорядоченным и мирным мировым обществом, или им станет управлять группа бандитов и разбойников, уничтожив все, что мы ценим в жизни.

Еще совсем недавно СССР был тесно связан с Гитлером. Каждый дал торжественное обещание не нападать на другого, но сегодня сотни тысяч русских мужчин, женщин и советских лидеров, чьи дома подверглись внезапному нападению мнимого «друга», очень храбро сражаются и умирают за дело, которое жизненно необходимо и для нашей собственной безопасности. Теперь они наши союзники.

В нашей стране бытовало и по-прежнему бытует великое множество разных мнений, предрассудков, а еще больше дезинформации о России и Советском Союзе. Не будучи чересчур предвзятым и не вдаваясь в споры, я надеюсь, что материал, содержащийся в этой книге, даст фактическую основу и, возможно, более точное представление о советском правительстве, его лидерах и его народе.

Считаю справедливым, чтобы, оценивая материал книги и вынося свои суждения о фактах и их толковании, вы узнали кое-что из моей биографии, а также о том, каково мое кредо и моя политическая философия.

Будь читателем я, непременно захотел бы знать эти факты, чтобы оценить тот вес, который следует придать представленному материалу.

Как некогда заявил господину Сталину, главе государства Калинину и другим советским руководителям, я уж точно не коммунист. Меня называют капиталистом. Я горжусь этим, но думаю, что более подходящее определение – «индивидуалист». Капитализм с его сопутствующими правами собственности – это просто результат индивидуалистического порядка в обществе, который дает каждому из нас возможность приобретать собственность в соответствии с нашими способностями в честной конкурентной среде. Подлинным критерием индивидуализма является не собственность. Это индивидуальная свобода в мыслях и возможностях. Капитализм – это лишь одна из граней индивидуализма. На самом деле я являюсь продуктом такой индивидуалистической системы при правительстве и в обществе в нашей стране, которое является лучшим из того, что цивилизация до сих пор создала для простого человека.

Детство мое прошло на Среднем Западе; образование я получил в Висконсинском университете. В политике я был прогрессистом, верил и следовал Вудро Вильсону и «Новому

курсу» Франклина Д. Рузвельта.

Согласно вере, которую воспитала во мне моя мать, я без труда принимаю идею связи с коммунизмом, когда все верующие в Христа и его учение в теории являются коммунистами, в той степени, в которой они выступают за братство людей. Вместе с тем я так же твердо убежден, что коммунизм как таковой не может работать на этой земле, с такой человеческой природой, какая она есть; и не будет работать еще целую вечность, до тех пор, пока человеческая природа не эволюционирует до такой степени, что люди будут готовы трудиться «ради одной лишь радости труда» и каждый будет жить в бескорыстном обществе. Я также твердо убежден, что если любую идею продвигать слишком быстро, то она не только не сможет излечить предполагаемые пороки, но, вероятно, вызовет пороки еще большие, чем те, которые она пытается излечить. Я твердо верю в эволюцию в противовес революции. Думаю, наша система лучше всего подходит для простого человека и работает медленнее, но с большей надежностью, потому что она стремится к прогрессу через эволюцию, а не через революцию.

Те убеждения, с которыми я отправился в Москву, не изменились и после моего отъезда. Однако я увидел и узнал многое, чего не знал раньше, увидел существующие и, по-видимому, развивающиеся силы, которые возымеют далеко идущие последствия для социальных и политических условий будущего. Это обновило мою веру в нерушимость хри-

стианской религии и в благотворность нашей собственной формы правления и нашего образа жизни¹.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

к депеше № 6 от 21 июля 1938 года из посольства, Брюссель

Я так и не возвратился домой из Европы, но трепетно благодарю Бога моей матери за то, что 100 лет назад у моих предков хватило мужества, уверенности в себе и смелости перед лицом дикой природы и неизвестности переселиться в Соединенные Штаты Америки и, жертвуя собой, своим здоровьем, подарить моим детям и моим внукам возможность пользоваться благами демократической формы правления и привилегией жизни в Соединенных Штатах. Я не вернулся домой из Европы, но чувствую, насколько все-таки счастлив и благословен американский народ. Задумайтесь, чем мы обладаем и чем наслаждаемся в отличие от многих европейских стран!

У нас есть свобода – личная свобода.

У нас есть право на свободу слова.

У нас есть право на мирные собрания.

Мы имеем право свободно мыслить.

Мы имеем право почитать Господа так, как велит наша совесть.

¹ Отрывок из прощальной речи посла Дэвиса перед сотрудниками посольства в Москве 9 июня 1938 года.

Наша свобода, наша жизнь, наша собственность, наши права защищены даже от самого правительства.

Каждый человек – король в собственном замке.

Наши свободы и жизни защищены законами, по которым даже самое всемогущее правительство обязано доказать вину вне всяких разумных сомнений, прежде чем человек может быть наказан государством.

Что отдали бы сегодня миллионы мужчин и женщин в Европе ради того, чтобы обрести подобные блага и наслаждаться ими!

Достоинство мужского и женского начал, святость человеческой жизни и свободы, самоуважение человеческого духа – это лучшее из того, что цивилизация принесла в этот мир. В Соединенных Штатах Америки эти вещи присутствуют в такой степени, в какой не встречаются больше нигде в мире.

Мне все равно, сколько материальных благ или социальных льгот в детстве или старости могут человеку дать тоталитарные государства или диктатуры, и, если при этом в жертву должна быть принесена свобода, значит, цена ее слишком высока.

Отправляясь в Россию, я твердо решил, что поеду туда без всяких предрассудков и с открытым сердцем. Отчеты, которые я отправлял в Государственный департамент, письма, которые посылал домой, записи в моем дневнике – это честный отчет и реакция на ситуации, личности и события – та-

кими, какими их видел я. При этом я всегда руководствовался намеренным стремлением быть справедливым, беспристрастным и объективным. Когда я покидал Россию, глава государства Калинин сказал мне, по сути, следующее: «Нам жаль, что вы уезжаете. Хотя вы и не согласны с нашими убеждениями и нашей политической идеологией, мы считаем, что вы были честны в своих оценках и видении происходящего. Худшее, что вы могли сказать, вы высказали нам, а лучшее, что могли сказать, вы высказали нашим врагам».

Один старый французский философ когда-то сказал: «Когда узнаешь человека, то не сможешь его ненавидеть». Лидеров Союза Советских Социалистических Республик я узнал. Это группа способных, сильных людей. Во многом я с ними не согласен, но все-таки отдаю им то, что отдаю себе, а именно: кредит доверия за честные убеждения и целостность целей. На мой взгляд, эти люди верят в то, что поступают правильно. Не может быть никаких сомнений в том, что, по соображениям собственной безопасности, они преданы делу мира как по идеологическим, так и по чисто практическим причинам. Я проникся глубоким уважением и симпатией к русским людям. Они обладают выдающимися качествами воображения и идеализма, которые отразили в своей литературе, музыке и искусстве. Они обладают столь же великими духовными качествами, которые воплотили в стремлении улучшать условия жизни простых людей и которые героически продемонстрировали в своей способности прине-

сти высшую жертву – саму жизнь – ради дела, в которое верят.

Покидая Москву, я подготовил депешу под названием «Краткое изложение фактов о Советском Союзе». Это попытка объективно и беспристрастно изложить факты, связанные с нынешней чрезвычайной ситуацией, как благоприятные, так и неблагоприятные, – исходя из того, что, когда факты представлены честно, выводы вытекают из них естественным образом и не нуждаются в аргументации. Данная книга является продолжением моего доклада и адресована соотечественникам-американцам.

Именно в таком контексте вы и должны читать и оценивать записи, содержащиеся в этой книге.

*Вашингтон, округ Колумбия,
1 октября 1941 года*

О книге

Книга состоит из следующих материалов: официальных отчетов, представленных мной в Государственный департамент, отправленных из посольств в Москве или Брюсселе или из тех мест, где я находился со специальными поручениями; личных писем официальным лицам или друзьям; записей из календарного дневника на одной странице; выдержек из дневника, который я вел в рабочих целях, чтобы дополнить записи в дневнике, а также комментариев или специальных заметок, которые содержат толкования некоторых фактов в тексте.

Официальные депеши говорят сами за себя и во всех существенных отношениях приводятся в «точных формулировках». И я в долгу перед Государственным департаментом за согласие, в интересах общества, на их использование. Эти депеши, конечно, являются окончательными и «лучшим доказательством» моих мнений и суждений о фактах и положении по состоянию на даты их написания. В некоторых случаях были допущены пропуски, чтобы избежать ненужных повторений. Первоначальные записи в дневнике были краткими и зашифрованными, они предназначались для того, чтобы напомнить мне о событиях и личностях и представить как можно меньше информации кому-либо другому на тот случай, если дневник попадет в чьи-то несанкциониро-

рованные руки. Одни записи дневника, как видно из текста, были расширены для большей ясности, другие – нет. Имена людей, если это необходимо для защиты источника информации или самого человека, опущены и обозначены прочерком. Сноски или заметки неизменно помечены датами, чтобы читателю было ясно, что это записи, сделанные после того, как произошло то или иное событие. Кроме них, в этой книге нет никаких утверждений задним числом.

Материалы депеш, которые могут иметь особую ценность как первоисточники информации для учащихся или представлять определенный интерес для других читателей, но которые вместе с тем способны замедлить ход изложения событий, можно найти в приложении.

В связи с отбором из довольно большого количества материалов, которые могли быть включены в этот том, я в глубоком долгу перед моим другом, Джейм Франклином Гартером. Опыт, который он обрел на дипломатической службе за рубежом и в государственных делах, вкупе с признанным редакторским здравомыслием, оказали мне большую помощь. Я также благодарен Спенсеру Уильямсу, чьи знания и опыт работы в Советском Союзе оказались весьма полезны. Особую признательность хочу выразить Стенли Ричардсону, моему другу и бывшему секретарю, чьи великолепные способности и преданность позволили мне сохранить большую часть этих материалов. Наконец, хочу отметить огромную помощь, которую оказала мне супруга – благодаря по-

стоянному вдохновению, энтузиазму и здравому смыслу, которые она внесла в эту, как и во все другие мои работы.

Джозеф Э. Дэвис

Часть первая
Начало миссии
16 ноября 1936 года
– 30 марта 1937 года

Дневник Вашингтон, 16 ноября 1936 года

В этот день президент подписал и выдал мне поручение на должность посла Соединенных Штатов в Союзе Советских Социалистических Республик.

Дневник Вашингтон, 20 ноября 1936 года

О моем назначении сделано объявление для прессы.

Дневник Вашингтон, 23 ноября 1936 года

Принял присягу в кабинете государственного секретаря,

где присутствовали многие старые друзья, включая Пэта Харрисона, Стива Эрли, Джесси Джонса, Дэна Ропера, Милларда Тайдингса, Джо Тумулти, Дика Уэйли, Лео Кроули, Мерла Торпа, Джорджа Холмса и других. Дети и Марджори также присутствовали на церемонии, что доставило мне особое удовольствие.

Дневник Вашингтон, 14 декабря 1936 года

Присутствовал на ужине, устроенном в нашу честь послом Трояновским и его супругой в советском посольстве. Ужин получился прекрасный, все было превосходно приготовлено. Нам обоим очень понравилось.

Дневник Вашингтон, 15 декабря 1936 года

Сегодня беседовал с Самнером Уэллсом о положении Советов. У него за плечами большой и весьма разнообразный дипломатический опыт. В свете моей нынешней работы в Департаменте по ознакомлению с советской ситуацией и моими тамошними обязанностями его предложения были весьма полезны.

Представляется, что за рамками рутинной работы, такой

как продвижение американских интересов и защита американских граждан, основной перечень конкретных вопросов, которые стоят на первом месте в связи с предстоящей миссией в Москву, сводится примерно к следующему.

Прежде всего это переговоры о продлении советского торгового соглашения с нашей страной, срок которого истекает в следующем году и которое предусматривает закупки у нас со стороны советского правительства. Затем – урегулирование недоразумения в связи с истолкованием так называемого долгового соглашения. Оно являлось частью переговоров, которые наш президент и нарком Литвинов провели, когда СССР был признан Соединенными Штатами. Советское правительство отказалось выполнять свои обязательства и произвести определенные расчеты по российскому долгу перед Соединенными Штатами и оплате исков американских граждан. В связи с этим в отношениях возникла напряженность. Восстановление дружественных отношений и сотрудничества, особенно в свете китайско-японской ситуации и риска мировой войны в Европе, если этого можно добиться в соответствии с принципами взаимного уважения, представляет собой вопрос крайней важности. Другой вопрос, который было предложено изучить мне, заключается в том, какова истинная мощь и возможности Советского Союза с политической, промышленной и военной точек зрения и в чем суть его политики в отношении Германии и Гитлера, а также мира в Европе. Насколько сейчас представляется, это при-

мерно то, чем, как ожидается, я и займусь в Москве.

Похоже, впереди меня ждет весьма интересная работа, особенно в связи с предстоящим общим анализом отношений между Германией, Францией и Англией и ситуацией с миром в Европе.

Дневник Нью-Йорк, 30 декабря 1936 года

Мы с Марджори отправились в отель «Мейфлауэр» на прощальный ужин, организованный комитетом из старых друзей под председательством генерального прокурора Гомера Каммингса. Все было устроено великолепно – мой старый друг Гомер и комитет приложили немало усилий. На этом выдающемся мероприятии присутствовало большинство лидеров всех трех ветвей власти, независимо от партийной принадлежности. Я был весьма тронут.

На самом деле одним из не самых важных, но очень приятных этапов этого президентского назначения были всеобщий живой интерес и доброжелательность со стороны старых друзей. Состоялся ужин, который дали мои давние приятели из Федеральной торговой комиссии, включая всех тех, кто работал со мной в мою бытность комиссаром по корпорациям при президенте Вильсоне – до того, как это бюро было объединено в комиссию.

Потом еще собралась большая группа в Нью-Йорке, кото-

рая во главе с Джимом Моффеттом устроила в нашу честь ужин в отеле «Ритц». Это было совершенно неожиданно и весьма мило. Что меня действительно удивило и даже поразило, так это большое количество тех, кто приехал из Вашингтона – Джим Бирнс, Джим Фарли, Билл Макэйдю, Пэт Харрисон, Олбен Баркли, Фрэнк Мерфи, Джесси Джонс и старина Стив Эрли. Мои давние друзья, они были на работе благодаря нашей дружбе. Конечно, произносимые речи звучали порой чересчур экстравагантно, и выступающие не жалели лестных слов, но они все равно много для меня значили. Очень полезным был ужин, который дал незадолго до моего отъезда Рив Шлей, президент Американско-российской торговой палаты.

Дневник Вашингтон, 2 января 1937 года

Накануне официального приема в Белом доме мы с Марджори ужинали в неформальной обстановке с президентом и миссис Рузвельт. Присутствовали все члены семьи, кроме Анны и Джона Боттигера. Президент был в прекрасном настроении.

После ужина мы с президентом удалились в его Овальный кабинет на втором этаже, где мне предстояло получить последние инструкции в связи с предстоящей миссией. Учитывая разногласия, которые сохранялись между советским

правительством и нами по поводу долгового соглашения, он считал, что моя позиция должна быть исполнена собственного достоинства и носить дружественный характер до тех пор, пока между двумя странами существуют дипломатические отношения. Но подобное отношение должно предполагать и определенные оговорки, с явным намеком на то, что президент и государственный секретарь глубоко разочарованы неспособностью их правительства выполнить то, что нам всегда представлялось как исполнение взятых на себя обязательств. Наша позиция, сказал он, должна заключаться в том, что мы не станем добиваться дальнейших переговоров; что следующий шаг должно предпринять советское правительство; и что это имеет большее значение для них, чем для нас. Мы подождем, сказал он, и посмотрим, что произойдет. Между тем, по его мнению, мне было бы полезно приложить усилия, чтобы получить из первых рук, по возможности из личных наблюдений, всю информацию о силе действующего режима с военной и экономической точек зрения; а также попытаться выяснить, какой будет политика их правительства в случае войны в Европе.

Я рассказал ему о предложении судьи Мура о том, что послу Додду следовало бы предложить отслужить еще один год до моего перевода в Берлин. Но на это президент тут же решительно заявил: «Нет». То есть намеченный план предстояло реализовать в его первоначальном виде.

Журнал *Вашингтон*, 3 января 1937 года

Встретился с советским послом Трояновским. Тот, по его словам, опасался, что вначале мое пребывание в Москве может быть затруднено некоторой прохладой со стороны советских официальных лиц, вызванной разногласиями или недоразумениями, которые возникли между Соединенными Штатами и советским правительством. В связи с этим он хотел заверить меня, что я буду принят весьма радушно и что советское правительство знает о моих капиталистических взглядах, профессиональном и деловом опыте, а также о моей работе в правительстве при президенте Вильсоне в качестве председателя Федеральной торговой комиссии. Они знакомы с моей работой и уверены, что обстановку в их стране и их проблемы я буду оценивать объективно и без предвзятости. В том, что касается моего отношения, ответил я ему, он совершенно прав. Я еду с открытым сердцем. Он надеялся, что любые спорные вопросы можно будет урегулировать путем четкого понимания позиции каждой из сторон. Главным предметом разногласий между правительствами был вопрос о долге. Я сказал Трояновскому, что еду по указанию президента и госсекретаря. Лично я считал, что со стороны советского правительства стало бы большой ошибкой допустить, чтобы недоразумение в вопросе о долге омра-

чило то доверие, которое президент Соединенных Штатов и наше правительство питают в отношении твердости и надежности обещаний советского правительства.

Хочу обсудить это с Биллом Буллитом.

Дневник Вашингтон, 4 января 1937 года

Официальный обед, данный в нашу честь послом Сайто и его супругой в японском посольстве. Сайто – наш старый друг и соперник по игре в гольф в «Горящем дереве». Желание развлечь нас стало очень приятным жестом с его стороны. Однако я пребывал в недоумении, ведь мне предстояло отправиться в Москву, а Япония и Москва вряд ли сейчас общаются. Поэтому я решил отбросить дипломатические условности и откровенно рассказать Сайто о проблеме. Он сразу смекнул, в чем дело, и сказал: «Все просто. Мы сейчас спросим моего коллегу, советского посла, и мадам Трояновскую». Таким образом, моя проблема была решена, и вечер прошел весьма приятно. За чашкой кофе международные отношения были подкреплены предложением организовать международную группу гольф-клубов «Горящее дерево» по типу «Ротари интернэшнл». Не было никаких сомнений в том, что вашингтонское «Горящее дерево» должно стать номером один. Вечеринка едва не сорвалась из-за споров, кто должен стать вторым номером: Токио или Москва.

Вопрос не решить без Лиги Наций!

Дневник В море, 5 января 1937 года

Мой старый друг Оуэн Д. Янг, председатель правления компании «Дженерал электрик», любезно согласился приехать и провести со мной пару часов. Мы обсуждали Россию. «Дженерал электрик» ведет многомиллионные дела с «Ам-торгом», официальным агентством советского правительства в нашей стране. Он сказал, что советское правительство имеет исключительно высокий кредитный рейтинг в банковских и деловых кругах Нью-Йорка и всей нашей страны; что они имеют репутацию партнеров, тщательно следящих за выполнением своих финансовых обязательств. Оплаты они производят быстро и даже досрочно. Он заявил, что на протяжении десяти или пятнадцати лет деловых отношений, которые «Дженерал электрик» имела с советским правительством, оборот которых исчислялся миллионами долларов, Советы были скрупулезно оперативны в платежах и выполняли все до единого свои обещания. Он дал им отличную оценку за то, что они выполняют обещания, в отличие от людей политизированных и не связанных с бизнесом, с которыми я обсуждал здесь Советский Союз.

В полночь Марджори, Э.К. – Экей² и я отплыли на судне «Европа» в Бремен. С нами на борту – Уолтер Дюранти.

Дневник Берлин, 14 января 1937 года

Прибыв в Берлин, тотчас же нанес официальный визит послу Додду.

Дневник Берлин, 15 января 1937 года

Суриц, советский посол в этой стране, весьма любезен. Он и его служащие отнеслись к нам с большим вниманием. Москва, заявил он мне, дала четкие указания, чтобы было сделано все возможное, дабы сделать наше пребывание приятным; он добавил, что Министерство иностранных дел (Литвинов) получило четкие инструкции из Кремля (Сталин) отнестись к новому дипломатическому представительству со всей учтивостью и не допустить, чтобы трения, которые могли существовать в прошлом, повлияли на отношение к новому послу. Я был рад это услышать.

² Эмлен Найт Дэвис (Emlen Knight Davies) – моя дочь и выпускница Вассарского университета.

Дневник *Берлин, 16 января 1937 года*

Мы остановились здесь на несколько дней, чтобы отдохнуть. Посол Додд с супругой устроили нам отличный обед. Доктор Шахт с женой, бывший посол Германии в Вашингтоне фон Гаффрон-Приттвиц, посол Польши Липский, посол России и мадам Суриц, а также мой старый однокурсник и друг по Висконсинскому университету, Луис Лохнер, сделали этот обед весьма приятным событием.

Имел продолжительную конференцию с руководителем «русского отдела» в МИДе Германии. К моему удивлению, тот заявил, что мои взгляды на стабильность внутривосточной обстановки в России и безопасность сталинского режима требуют изучения. Моя информация, по его мнению, ошибочна, и положение Сталина в стране не настолько прочно. Он заявил, что я, вероятно, обнаружу в России активную революционную деятельность, которая вскоре может вырваться наружу.

Заехал к послу Додду, чтобы попрощаться и сообщить о том, что удалось узнать в его ближайшем окружении.

В соответствии с договоренностью, достигнутой во время обеда, встретился с доктором Шахтом в Рейхсбанке. Он попросил, чтобы его не беспокоили, и мы провели вместе добрых два часа. Он посетовал по поводу нехватки объектив-

ности со стороны Великобритании и Франции в отношении экономических проблем Германии.

Шахт выразил величайшее восхищение нашим президентом. Он сказал, что это один из величайших людей в мире, что он обладает необычайной способностью разложить любую ситуацию на элементарные составляющие и применять для ее решения здравый смысл. Именно это, сказал он, и является характерной чертой гения и подлинного величия.

Дневник Берлин, 17 января 1937 года

Пили чай у русского посла. Посмотрели его замечательные русские картины. Это было чаепитие «с рассадкой» – принятый у русских прием пищи.

Особенно красивыми показались «снежные» пейзажи, выполненные старыми русскими мастерами.

Здание посольства старого режима необычайно красивое: большие комнаты, высокие потолки, все в королевском стиле.

Посол – старый революционер-интеллигент, очень умный и интересный человек. Они подвезли нас к поезду – ночь выдалась весьма холодной. Пришлось второпях садиться в вагон, так как стоянка была короткой, но мы успели сесть и потом быстро «отключились».

В 11.40 выехали в Варшаву.

Журнал *Берлин*, 17 января 1937 года

Вот интересное заявление нацистов, на которое наткнулся вчера в газете:

«Мы ожидаем смены эпохи, полного слома политических и социальных идеологий. С демократиями покончено. Сегодня они сознательно или бессознательно являются не более чем очагами инфекции, носителями бацилл и подручными большевизма. Это одна группа, мы – другая. Будущее отвлекает коллективизм от неопределенной реакции масс. Демократии – они как песок, как зыбучий песок. Наш государственный политический идеал – это высеченные в граните вершины».

Мне кажется, это довольно резкое, четкое и угрожающее заявление об отношении Германии к остальному миру. И оно пугает. Боюсь, оно намекает на дух завоевания, а не на желание мирного урегулирования.

Дневник *В поезде*, 18 января 1937 года

Холодная невзрачная страна – эта Польша, через которую мы проезжаем.

Посол США Джон Кудахи заехал посмотреть, как мы проезжаем через Варшаву. Похоже, ему здесь нравится. Поезд чистый, но в вагоне-ресторане как-то уныло и холодно, а в спальном вагоне не слишком комфортно.

Граница СССР – несколько позднее

В пограничном городе Негорелое нас встретил советник посольства Лой Хендерсон. Все говорили, что это очень хороший человек и великолепный кадровый офицер. Нахожу его скромным и, по-видимому, весьма способным. Он мне нравится, и я уверен, что мы отлично поладим. Накануне вечером бедняга Хендерсон съел немного «плохой пищи» (здесь это довольно частое явление), и его сильно тошнило, но он держался молодцом.

Журнал Москва, 19 января 1937 года

Сам город Москва стал для меня настоящим сюрпризом. Конечно, это красивый старый город, но в дополнение к этому активность, которую вы наблюдаете на улицах, размах непрекращающегося строительства и удобная одежда, которая представляется довольно распространенной, весьма удивили меня. Нет никаких сомнений в том, что жизнь здесь бьет ключом, и эти люди, кажется, делают успехи.

СПАСО-ХАУС – АМЕРИКАНСКОЕ ПОСОЛЬСТВО

Дневник Москва, 19 января 1937 года

Прибыли сегодня утром. Резиденция посольства, так называемый «Спасо-Хаус», всех приятно удивила.

По словам г-на Хаддла, инспектора почтовых служб Государственного департамента, это одно из лучших наших посольств и вполне под стать любому европейскому посольству. Перед домом справа довольно необычное (для Москвы) явление – небольшой и очень уютный парк. Еще дальше справа – красивая старинная церковь, от лапидарности и трагизма которой на сердце становится грустно. Сейчас в ней собралось много семей прихожан, запущенный вид здания наводит тоску. Между церковью и Спасо-Хаусом располагается очаровательный старинный особняк, бывшая городская усадьба какого-то русского дворянина, но и здесь трагедия, потому что он тоже в полном запустении, и сейчас в нем ютятся семьи рабочих и солдат.

Позже

Вручение верительных грамот

Литвинов находится в Женеве, и его не будет в Москве несколько дней. Было решено, что я быстро вручу свои ве-

рительные грамоты его первому помощнику Крестинскому. После разговора с Крестинским мы также поговорили со вторым помощником г-ном Стомоняковым, который произвел на меня гораздо более благоприятное впечатление, чем Крестинский.

Крестинский – близорукий маленький человек в профессорских очках и с довольно отталкивающим лицом. Он производит впечатление человека скрытного. Я бы не стал ему доверять.

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

№ 1 Москва, 19 января 1937 года

ДОСТОПОЧТЕННОМУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ СЕКРЕТАРЮ ДОКЛАД ПОСЛА ДЭВИСА

Совершенно секретно

Сэр!

Имею честь сообщить, что до отплытия из Соединенных Штатов провел несколько встреч с господином Трояновским, советским послом в Вашингтоне. Внешне эти обмены мнениями носили социальный характер. В последний раз Трояновский (в «личной» беседе) высказал опасение, что мое пребывание в Москве может быть вначале омрачено некоторой прохладой со стороны советских официаль-

ных лиц, вызванной разногласиями и недоразумениями, которые, как он слышал, возникли между г-ном Литвиновым, народным комиссаром иностранных дел, и послом Буллитом. На это я, конечно, ответил, что весьма сожалею по поводу того большого разочарования, которое испытал посол Буллит в связи с невыполнением советским правительством очевидных, казалось бы, обязательств. Я не допустил, чтобы поднятый вопрос перешел в полемику, но выразил надежду, что моя миссия может оказаться полезной для улучшения отношений между двумя странами.

Во время предыдущей встречи посол Трояновский сказал, что чувствует и надеется, что мы сможем урегулировать и сгладить некоторые спорные вопросы прошлого и путем более четкого понимания скорректировать некоторые из этих вопросов к взаимному удовлетворению обеих сторон. В предыдущий раз я откровенно затронул довольно при-
скорбный, с моей точки зрения, факт, а именно: что весьма достойный человек, президент Соединенных Штатов, достиг принципиального согласия с представителем советского правительства о широкомасштабном урегулировании, условия которого, в свете нынешнего положения, были хорошо известны каждой из сторон и, как мне кажется, были предельно ясны в соответствии с прямыми условиями письменного меморандума, что данное соглашение не выполнено; и что сложилась ситуация, которая, по моему мнению, указывает на замешательство в отношении несущественных

вопросов и попытку постепенного уклонения от широкого принципа соглашения, которому был привержен Советский Союз. Автор не стал развивать эту мысль, а лишь выразил свое сожаление, указав на относительную несущественность вопроса для Соединенных Штатов и в то же время подчеркнув исключительную важность для русского народа обрести в будущем симпатии со стороны либерального общественно-го мнения в США, особенно в свете неопределенной международной ситуации.

Упомянутые инциденты, по-видимому, свидетельствуют об отношении советского правительства к вопросу о долгах. На протяжении всех этих дискуссий автор доклада по большей части просто слушал, за единственным исключением, о котором говорилось выше – во время беседы с Трояновским.

В Берлине автор доклада нанес несколько визитов в министерство иностранных дел Германии. Все беседы носили неофициальный и неформальный характер. Тема беседы была представлена ранее шифрованным сообщением вместе с отчетом о моей неофициальной беседе с доктором Шахтом.

Мы выехали из Берлина в 11.00 вечера и прибыли в Негорелое на российской границе вечером следующего дня. Условия в немецком поезде первого класса до границы указывали на некоторое ухудшение качества обслуживания по сравнению с сервисом в Германии несколько лет назад. Спальный вагон от Негорелого (советской пограничной станции) до Москвы был определенно лучше, безупречно

чистым и с отличным обслуживанием. Дорожное полотно было неровным. Железнодорожная станция и таможня на российской границе располагались в новом здании, солидном и внушительном. Чиновники были вежливы, предупредительны и быстро уладили все необходимые формальности. На границе нас встретил секретарь Хендерсон, и вполне вероятно, что все прошло гладко именно благодаря его заблаговременному участию. На следующее утро в 11.30 мы прибыли на Белорусский вокзал в Москву. В деревнях, через которые мы проезжали утром, повсюду виднелись следы нового строительства. Люди на железнодорожных станциях выглядели тепло одетыми и в том, что касается теплой одежды, мало чем отличались от сельских жителей, которых можно встретить в приграничных районах Соединенных Штатов. На вокзале в Москве нас встретил г-н Барков из протокольного отдела Народного комиссариата иностранных дел, который проводил нас в резиденцию посла (Спасо-Хаус), которая благодаря предусмотрительности миссис Дэвис оказалась в вполне пригодном для жизни состоянии. После отъезда посла Буллита дом пустовал и пришел в упадок.

Г-н Барков, руководитель протокольного отдела Народного комиссариата иностранных дел, по прибытии (утром 19 января) сообщил мне, что в отсутствие г-на Литвинова, который находится в Женеве, в 15.00 того же дня меня с радостью примет г-н Крестинский, помощник народного комиссара иностранных дел.

В сопровождении г-на Хендерсона, первого секретаря посольства, автор доклада в назначенный час позвонил г-ну Крестинскому и застал у него г-на Неймана, начальника третьего западного политического отдела, отдела МИДа, который занимается американскими делами. Автор доклада заявил, что привез приветствия Министерству иностранных дел и господину Крестинскому от государственного секретаря. У него были оставлены копии верительных грамот, а также записка с просьбой о встрече с г-ном Калининым для вручения отзывных грамот предшественника автора доклада и его собственных верительных грамот. Он сказал, что в связи с тем, что сейчас проходит съезд РСФСР и должно состояться заседание Центрального исполнительного комитета РСФСР, время г-на Калинина почти полностью занято, но он надеется, что г-н Калинин сможет принять меня 23 или 25 января. Автор доклада ответил, что в спешке нет необходимости и он не хотел бы причинять г-ну Калинину неудобств, особенно в связи с более важными государственными делами, которые не терпят отлагательства.

В сопровождении г-на Хендерсона и г-на Неймана автор доклада сразу же обратился к г-ну Стомонякову, второму помощнику народного комиссара иностранных дел. Г-н Стомоняков специализируется на делах Дальнего Востока, Ближнего Востока и Восточной Европы. Он также принял нас со всей учтивостью.

Заключительное заседание съезда РСФСР проводилось

21 января, и по просьбе автора доклада г-н Барков из протокольного отдела Министерства иностранных дел организовал наше присутствие на форуме. Отчет о моих впечатлениях по этому поводу будет опубликован в следующем послании.

Не могу завершить этот отчет, не выразив признательность за прекрасную и эффективную помощь, которую я получил от сотрудников американского посольства – группы замечательных, способных и преданных людей.

Имею честь кланяться, с уважением,

Джозеф Э. Дэвис

Дневник Москва, 20 января 1937 года

Спал допоздна. Отправил телеграмму с поздравлениями президенту по случаю инаугурации. Провел весь день, обустроивая свой кабинет, перебирая, сортируя бумаги, готовясь к работе.

Вечером – ужин для газетчиков и их жен в посольстве. Жены – привлекательные и прекрасные особы. Большое впечатление на нас произвела миссис Джо Барнс – тихая и сдержанная, но имеет весьма определенные взгляды и живет в соответствии с ними, что в наши дни даже «слишком много». Судя по тому, что мне сообщили, она гораздо более радикальна, чем ее супруг.

Было очень забавно побеседовать с ними о России. Совершенно очевидно, что здравомыслящий Демари Бесс и его способная, прекрасная маленькая супруга – прирожденные консерваторы, в то время как Джо Барнс – прирожденный радикал. И Барнс, и Бесс – люди необычайных способностей, оба честные и умные, но с диаметрально противоположными взглядами. Дьюэлы и Чарльз Наттере не являются ни крайними радикалами, ни консерваторами, но очень умные и увлеченные люди. Очень жаль, что уходит Джо Филлипс. Он знает Россию. Он дал мне свои записи, посвященные изучению колхозов, сделанные на местах во время длительной поездки по Украине в прошлом году. Они представляют реальную ценность как фактические наблюдения исключительно способного и подготовленного наблюдателя и журналиста в столь критический период развития этой крупной операции советского правительства. Дебаты по России выдались жаркими и тяжелыми. Это было прекрасное и вместе с тем полезное погружение прямо *in medias res*³. Мне все понравилось. Думаю, мы превосходно поладим.

Журнал Москва, 21 января 1937 года

Нанес свой первый официальный протокольный визит

³ В средства массовой информации (англ.).

британскому послу Чилстону. Посольство превосходно расположено на берегу реки, прямо напротив Кремля, это красивый старинный особняк. Посол был весьма дружелюбен и участлив. Он произвел на меня впечатление уравновешенного, здравомыслящего человека. У него сложилась выдающаяся карьера на британской дипломатической службе. Он приехал сюда после службы в Вене и Будапеште.

По его мнению, позиции правительства в этой стране вполне надежны. А в том, что касается мира, то положение в Европе крайне шаткое и выглядит не очень. Всем своим видом он давал понять, что я могу обращаться к нему в любое время. Я поблагодарил его и сказал, что, на мой взгляд, интересы Соединенных Штатов и Великобритании, без нужды в заключении каких-либо официальных соглашений, всегда можно считать более или менее совпадающими, поскольку в основе своей политические, правовые, этические и религиозные идеалы обоих народов одинаковы, а также потому, что благодаря общему языку и сходству институтов опасность недопонимания минимальна.

КРЕМЛЬ И ДИЕТА – ЧТО МОЖНО И ЧЕГО НЕЛЬЗЯ

Москва, 21 января 1937 года

ДОСТОПОЧТЕННОМУ МАРВИНУ МАКИНТАЙРУ

Дорогой Мак!

Сама по себе Москва – красивый старинный город. Кремль внушителен и прекрасен. Он окружен кирпичной стеной высотой 30 или 40 футов с зубцами и бойницами в башнях. Фасад с одной стороны имеет ярко выраженный французский феодальный стиль с восточными мотивами. Купола и колокольни трех храмов увенчаны звездой и полумесяцем, а коса и серп на этих декоративных вершинах придают картине необычный восточный оттенок.

Доктор Банкли, врач нашего посольства, выдал нам список «запретов»⁴ в отношении того, что можно есть, а чего следует избегать на дипломатических обедах. Здесь очень много заразных продуктов, практически на все наложено табу. Здесь нет ни сливок, разве что в мороженом, ни овощей, которые были бы безопасны, поэтому совет Билла Буллита был полезен во всех отношениях, и особенно разумным бы-

⁴ Они были составлены доктором Румрайхом и командиром [доктором] Банкли из нашего посольства. Пока вы не проживете здесь достаточно долго, чтобы пройти вакцинацию: Не пейте некипяченую воду из-под крана. Не пейте молоко или сливки. Не ешьте молочные продукты (мороженое, масло, заварные кремы и т. д.) местного происхождения. Не ешьте сырые овощи. Не ешьте консервированные овощи, если не знаете, что они из США. Избегайте редкого и недожаренного мяса. Избегайте любых сортов колбас. Будьте крайне осторожны с рыбой (по двум причинам: рыба может оказаться не слишком свежей, а также в Европе весьма распространен ленточный червь). Не ешьте фаршированную рыбу. Безопаснее всего питаться в посольстве Великобритании. На втором месте по безопасности – французское посольство. Все остальные – сомнительны, так как полагаются на местные продукты. Неудивительно, что у здешнего персонала есть собственный кооператив для снабжения провизией.

ло предложение прихватить с собой запас еды.

Погода замечательная. Воздух свежий, бодрящий, ветра нет. Снег и сам воздух чисты и свежи, и при ярком солнечном свете деревья сверкают белизной, которая покрывает ветви. Передайте привет нашей «Кучке».

Второпях.

Дневник Москва, 21 января 1937 года

В 12.45 по приглашению Министерства иностранных дел мы посетили партийный съезд – его заключительное заседание – Марджори, Э.К., Дж. Д.⁵, Хендерсон и я, под руководством г-на Баркова (протокол).

Нам предоставили почетную ложу. Это было необычайно интересно. Зал новый, производит впечатление. На 2000 или более делегатов, рассаженных на скамьях. Президиум, около 40 человек, на возвышении. Казаки (мужчины и женщины). Выступления молодых авиаторов и химиков. 400–500 человек.

Прогулялся по Кремлю.

⁵ Мой личный секретарь Джон Дэвис Стамм.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СЪЕЗД

Москва, 23 января 1937 года

ДОСТОПОЧТЕННОМУ СТИВЕНУ ЭРЛИ

Дорогой Стив!

Нам очень повезло, что мы успели вовремя попасть сюда и увидеть заключительное заседание съезда, крупнейшего органа власти в Советском Союзе.

Съезд проходил в Кремле. Зал, в котором он проводился, был просто потрясающим. Около 400 футов в длину, 80 или 90 футов в ширину, с очень высоким потолком. С одной стороны зала – там, где обычно устраиваются балконы, – находились дипломатические ложи. Другая боковая стена состояла в основном из очень больших красивых окон шириной около 8 футов и высотой от 30 до 40 футов. Светильники были модернистскими (простыми, но красивыми) из матового стекла. Помещение оформлено в белых и светло-голубых тонах с красивыми шторами. В начале зала находился помост высотой около 8 футов, на котором сидели около 50 высокопоставленных лиц государства. Председательствовал Калинин. Непосредственно под этим президиумом находилась своего рода кафедра, на которую поднимались различные ораторы во время своих выступлений. Ниже были места для трех стенографисток, а перед ними в проходах на-

ходило бесчисленное множество газетчиков, операторов и осветителей. По залу были равномерно распределены микрофоны. Все пространство было заставлено креслами, а на спинке каждого крепился откидной столик. В этом длинном зале, похожем на церковный неф, разместилось около 2800 делегатов, а позади располагалась галерея, на которой собралось около 1000 зрителей. Каждый делегат держал перед собой печатный экземпляр конституции. Это было внушительное зрелище. Наблюдать за происходящим было интересно. Среди присутствующих я заметил некоторое количество лиц монгольского типа. Лица сидящих в основной части зала были довольно молоды и, хотя сами эти люди не выглядели интеллигентами, в целом производили впечатление людей пытливых и энергичных. Около 25 % делегатов составляли женщины. Среди делегатов были мужчины в военной и морской форме, сельские жители, все были удобно одеты и выглядели вполне респектабельно. На некоторых женщинах были белые шали, другие были одеты в свитера ярких цветов, у некоторых были завиты волосы. Все внимательно изучали печатные экземпляры конституции, за которую предполагалось постановочное голосование. Заседающие на возвышении в целом отличались более интеллигентным внешним видом. Военный комиссар, комиссар по транспорту и начальник кавалерийской части были в военной форме, остальные – в штатском, включая женщин в черных платьях с белыми воротничками.

Перед голосованием прозвучали три речи: выступили

двое мужчин и одна женщина, все – не старше 40 лет. Люди видные, судя по всему, известные, способные ораторы, которые, очевидно, знали свои возможности и мастерски довели свои речи до кульминации, вызвав бурные аплодисменты зала.

Делегацию с Кавказа возглавляла женщина. Они проследовала к ораторской трибуне. Казаки сидели в своих колоритных мундирах, а треть женщин – в костюмах из блестящих атласных юбок и белых лиффов с цветными платками на голове. Великолепное зрелище. Третьим выступающим был молодой человек лет 28–30 в костюме с широкими брюками. У него было красивое спортивное лицо, глаза светились огнем. Это был лидер молодежных обществ, и перед его выступлением устроили настоящее представление. В задней части зала на высоте 10 футов от пола перед галереей стояли восемь горнистов в голубых, как у летчиков, рубашках. Под звуки их серебристых горнов в заднюю часть зала и по каждому из четырех проходов промаршировали около 400 молодых людей в разноцветных мундирах, со штандартами и знаменами в руках; женщины и мужчины, все шли слаженно, с воинской точностью, а потом встали навтыжку в проходах. Они представляли все рода войск и военно-морские силы, вплоть до подразделений химической защиты и парашютистов. Среди них выделялся рекордсмен по прыжкам с парашютом.

На фоне реющих знамен и флагов молодой оратор произ-

нес пламенную, но емкую речь, сопровождавшуюся громкими аплодисментами. Затем под звуки горнов и восторженные овации публики молодежь со знаменами покинула зал. Все прошло хорошо и произвело большое впечатление.

Голосование по конституции проходило по каждой статье отдельно, причем вручную, то есть каждый делегат при голосовании «за» поднимал красную карточку. По окончании голосования съезд был окончательно завершён под бурные аплодисменты участников. Здравия различным высокопоставленным лицам. Затем произошло следующее: небольшая группа в конце зала запела коммунистический гимн. Постепенно все его подхватили, и пение продолжилось в едином темпе, без дирижера, и так они исполнили несколько куплетов. Мелодия была типично русской, с пронзительными минорными тонами, неторопливой и величественной, в отличие от боевых интонаций «Марсельезы». Голоса автоматически разделились на гармоничные партии, причем теноры и контральто звучали весьма отчетливо. Это было и в самом деле трогательно, но вместе с тем солидно и внушительно. Собравшиеся стали покидать зал.

Мне сообщили, что такие съезды, помимо прочего, носят просветительский характер, и ожидается, что делегаты вернутся к себе в города и деревни, где расскажут обо всем местным жителям. Марджори передает привет детям, а также наилучшие пожелания Хелен и тебе.

Как всегда,

Дневник Москва, 23 января 1937 года

Дипломатический корпус сильно взволнован тем фактом, что семнадцать старых большевиков предстали перед Верховным судом СССР по обвинению в измене Родине. Они называют это «Процессом над группой Радека». Этот Карл Радек – весьма известный публицист и блестящая личность, у него много друзей за границей. Суд начался сегодня утром, и, как мне сказали, он проходит в Дворянском собрании. Как мне сказали, при старом режиме это был модный клуб московской знати. В 12 часов пополудни в сопровождении советника Хендерсона я отправился на этот процесс. Для дипломатического корпуса были сделаны специальные распоряжения о пропусках на соответствующие места. Процесс продолжался до 3 часов дня, когда суд объявил перерыв до 6 часов вечера. Я присутствовал на вечернем заседании, которое продолжалось с 6 часов вечера до 10.30 вечера. Все это было увлекательно и весьма интересно. По окончании вечернего заседания газетчики подошли ко мне, чтобы вместе выпить пива и съесть бутерброды. Все просто из кожи вон лезут, чтобы помочь мне сориентироваться в сложившейся ситуации.

Дневник Москва, 25 января 1937 года

Согласно протоколу, весь официальный персонал посольства должен был сопровождать меня в Кремль по случаю вручения верительных грамот. Так и произошло. Бумаги были официально вручены председателю Президиума, после чего мы удалились в его кабинет для беседы. По окончании церемонии сотрудники вернулись вместе со мной и попали на очень достойный обед, который организовала Марджори, а Дж. Д.⁶ сфотографировал группу в большой столовой.

Икра, икра, икра повсюду, и ни одного яйца, разве что за столом комиссаров!!! Мы просто не могли этого понять! Ведь их должны были принести, так, по крайней мере, нам говорили.

ДОКЛАД ПРЕЗИДЕНТУ ПО ВОПРОСУ ДОЛГА И О ВСТРЕЧЕ С КАЛИНИНЫМ

Москва, 25 января 1937 года

ДОСТОПОЧТЕННОМУ ФРАНКЛИНУ Д. РУЗВЕЛЬТУ

Мой дорогой господин президент!

⁶ Джон Д. Стамм.

К счастью, обычай выступать с официальными речами по предъявлении верительных грамот был упразднен. Имел двадцатиминутную беседу с Калининым. Его приветствие было весьма искренним, и, когда я упомянул, что вы говорили о нем лично, он пожелал, чтобы я непременно передал от него привет «великому человеку». Встреча получилась теплой.

По его словам, он верит, что все разногласия между двумя странами могут быть урегулированы. Мой ответ был заготовлен заранее: то есть я искренне надеюсь на это и считаю, что это возможно, если подойти к делу с той же серьезностью, с которой президент Соединенных Штатов подходил к разработке этих соглашений, и что я, если они того пожелают, буду рад в удобное для них время заняться данным вопросом после возвращения Литвинова. Своим заявлением я стремился (и, полагаю, мне это удалось) убедить, что все зависит именно от них, а для нас этот вопрос не имеет серьезного значения. Калинин выразил удовлетворение тем, что, по его мнению, моя профессиональная подготовка обеспечит объективность и независимость суждений, независимо от того, что малоприятного я могу услышать из дипломатических источников в Москве.

Жду возвращения Литвинова, чтобы узнать, станет ли он поднимать вопрос о долге. Есть свидетельства, что они хотят забыть об этом. Если так, то я буду действовать по намеченному вами плану.

С большим уважением, искренне ваш,
Джозеф Э. Дэвис

ПРЕЗИДЕНТ КАЛИНИН О ПОЛОЖЕНИИ В СССР

№ 11 Москва, 25 января 1937 года

ДОСТОПОЧТЕННОМУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ СЕКРЕТАРЮ

**ДОКЛАД ПОСЛА ДЭВИСА ПО ВОПРОСУ ВРУЧЕНИЯ
ВЕРИТЕЛЬНЫХ ГРАМОТ Г-НУ КАЛИНИНУ**

Совершенно секретно

Сэр!

Имею честь сообщить следующее в связи с официальным вручением моих верительных грамот президенту Калинин.

Оказалось, что от обычая обмениваться официальными речами по случаю вручения верительных грамот отказались.

Президент, г-н Калинин, уселся за свой стол и предложил мне кресло напротив г-на Крестинского, между которыми расположился переводчик, г-н Нейман. Присутствовали еще двое: г-н Уншлихт, секретарь Центрального исполнительного комитета СССР, и г-н Хацкевич, секретарь Совета Национальностей Центрального исполнительного комитета.

Президент Калинин предложил мне сигарету, и я побла-

годарил его по-русски словом «спасибо», что вызвало смех. Я заявил, что хотел бы выразить от себя лично, от своей семьи и своих сотрудников признательность за содействие на границе и за прочие любезности, поскольку это сделало наш приезд в Москву комфортным и приятным. Затем я представил отзыв моего предшественника и свои собственные верительные грамоты.

Затем я заявил, что мое правительство через государственного секретаря г-на Халла хотело бы передать теплый привет и сердечные пожелания г-ну Калинину, что перед моим отъездом у меня состоялась встреча с президентом Рузвельтом и что он лично обратился к президенту Калинину. Г-н Калинин выразил удовлетворение по поводу того, что о нем упомянул наш «великий президент», и заявил, что разногласия между странами могут быть разрешены к обоюдному удовлетворению. На это я ответил, что тоже надеюсь – и верю в это. Конечно, это может быть сделано, если смотреть на вещи шире и действовать в том ключе, который президент Рузвельт обозначил в соглашении, достигнутом с Литвиновым.

Я заявил, что не являюсь профессиональным дипломатом и привык работать напрямую. На это г-н Калинин ответил, что их правительство – это правительство, основанное на народной поддержке, и что все их лидеры верят в прямоту и откровенный разговор. Тогда я сказал, что моему правительству особенно повезло в том, что мы находимся в изоляции и

далеко от любых возможных угроз со стороны других стран, и поэтому мы привыкли к прямой дипломатии, в то время как общеевропейская дипломатия, возможно, находится под влиянием национальных страхов или амбиций. Затем президент Калинин заявил, что Россия не боится внешней агрессии, будучи уверенной в том, что ее армия и народ достаточно сильны, чтобы защитить себя.

Затем он выразил надежду на то, что у меня остались благоприятные впечатления. Я ответил, что Москва – красивый город и что на меня произвела большое впечатление повсеместная активность, свидетельствующая о новом строительстве и прогрессе, что на меня произвел большое впечатление общий характер и внешний вид людей на улицах, которые хорошо и тепло одеты и, как правило, заняты делом.

Затем президент Калинин заявил, что они добились весьма значительных успехов, что промышленное производство существенно возросло, что потребности народа удовлетворяются настолько быстро, насколько возможно, однако спрос так велик, что подобен огромному поглощающему пламени, которое пожирает все запасы слишком быстро, и это не позволяет удовлетворить огромные потребности народа.

Он заявил, что они рады приезду посла, который благодаря своей подготовке будет объективно смотреть на ситуацию и прибережет свои оценки до тех пор, пока в перспективе не будут объективно рассмотрены все факты.

После этого он намекнул, что его правительство, вероят-

но, проявило некоторую предвзятость из-за того, что в свое время некоторые (из иностранцев), конечно, перегнули палку. Но иногда бывали и приятные сюрпризы – со стороны тех, кто изначально был холоден в своем подходе. Он заявил, что поверхностные суждения несправедливы.

Проиллюстрировал он это тем, что на улицах Москвы приезжий может, например, наткнуться на пьяного и тут же сделать вывод, что все русские – пьяницы. Что, конечно же, не соответствует действительности. Он выразил надежду, что автор этого доклада увидит как можно больше из того, что они делают и пытаются делать для народа, и оценит это критически и объективно.

На это я ответил, что, хотя сам и являюсь продуктом индивидуалистической и капиталистической системы, начинал я с малого, всю жизнь напряженно трудился и что мои симпатии на стороне простых людей, как и симпатии моего правительства, и могу заверить, что моя цель заключается в том, чтобы стремиться смотреть на все непредвзято, делать выводы и честно доложить о них моему правительству. В этом они могут быть уверены, поскольку это не только моя цель, но и результат моего обучения и склада ума, выработанного годами прошлого опыта.

Имею честь кланяться, с уважением,

Джозеф Э. Дэвис

Дневник *Москва, 25 января 1939 года*

Калинин живет в Кремле. И прихожая, и его кабинет, куда меня проводили, были аккуратно и просто обставлены. Сам Калинин – прекрасный типаж. У него серьезные глаза и простые, дружелюбные манеры. Он весьма популярен среди советских людей. Начинал рабочим на одном из литейных заводов. Спокойный и располагает к себе – совсем как «старый башмак» из нашей пословицы.

Калинин произвел на меня впечатление человека добропорядочного и простого в обращении.

НЕГОТОВНОСТЬ ФРАНЦИИ

Журнал *Москва, 26 января 1937 года*

По сообщениям прессы, М. Рейно привел в Париже несколько интересных фактов о военной мощи стран Европы. Все изменил, заявил он, фактор быстроты. Германия имела 2000 самолетов, Италия – 1900, а Франция – всего 1300. До сих пор мало что было сделано; Франция имела один бомбардировщик против двух у Германии; а против нескольких сотен танков во Франции Германия и Россия

имели тысячи.

Мне кажется, все говорят о неизбежности европейской войны, но никто, кроме Германии и России, не воспринимает это всерьез⁷.

Дневник Москва, 27 января 1937 года

11 часов утра – нанес визит в резиденцию Сигэмицу, японского посла. Он без ноги, инвалид – весьма способный человек. Он рассказал о «шанхайском инциденте», когда потерял ногу, и о помощи, которую ему тогда оказал американский посол Нельсон Джонсон.

С 16 до 17 часов – прогулка по Кремлю с Марджори. Сегодня в одном из музеев сходили на специальную выставку Рембрандта. Там насчитывалось, наверное, более тридцати полотен, в том числе «Возвращение блудного сына», «Рождение» и многие другие. Это было весьма необычно. Также посетили Третьяковскую галерею. Замечательные картины Герасимова, «Орден Ленина»; Сурикова – необычайно большие полотна – «Переход Суворова через Альпы» и др. Гра-

⁷ Моим основным источником текущих новостей было коротковолновое радио. Я слушал его ежедневно и делал заметки, чтобы быть в курсе европейских событий. В моем одностраничном дневнике не хватало места, и я взял за правило вносить записи в журнал для уточнения вопросов, которые не могли быть рассмотрены в дневниковых записях.

бов, Юон и Шишкин – снежные пейзажи. Зашел в антикварный магазин и с интересом рассматривал полотна современных советских художников. Они невероятно интересны.

Дневник Москва, 28 января 1937 года

Начал раунд официальных визитов: китайское, немецкое, персидское, британское посольства. Пообедал с послом Турции.

После обеда мы с Марджори снова отправились в центр города, чтобы посмотреть еще одну выставку современной русской живописи в одном из художественных магазинов. Провели интересные два часа. Приобрел несколько очаровательных картин маслом (снег, революционеры и т. д.) для коллекции Висконсинского университета⁸.

⁸ Нижеследующее взято из каталога, изданного Ассоциацией выпускников Висконсинского университета города Нью-Йорка, посвященного коллекции русской живописи и икон, подаренной Дэвисом Висконсинскому университету. Выдержка из письма посла Дэвиса от 9 марта 1937 года губернатору Ла Фоллетту о передаче коллекции университету: «Дорогой Фил! С тех пор как нахожусь в России, в голове крутится одна мысль, и я хотел бы попросить вашего совета по этому поводу. Русская живопись необыкновенна по своей образности, силе и цвету. И хотя в целом она, возможно, не отличается утонченностью художников, получивших образование в других школах, тем не менее они создают замечательные картины. С моей собственной точки зрения, меня всегда больше, чем техника, интересовала история, которую рассказывает картина, и то, как она воздействует на человеческие ощущения. Поэтому я собрал несколько картин. По большей части

Дневник *Москва, 29 января 1937 года*

11 часов утра – заезжал посланник_____, прекрасный пожилой джентльмен. Он обсудил свою реакцию на судебный процесс. Считает, что подсудимые виновны.

12 часов – приезжал посол_____. Обсудили экономическое развитие и золотой запас. В подлинности некоторых признаний он сомневается, но в целом считает, что они говорят правду.

это оригиналы. В некоторых случаях – копии. Художники здесь, как известно, работают на государство, но я получил разрешение от властей, чтобы в некоторых случаях сделать дубликаты оригиналов, выполненные теми же художниками. Моей целью было собрать ряд картин, которые более или менее охватывали бы различные области жизни и деятельности страны: народ, солдаты, революционное движение, строительство великих заводов и жизнь в отдаленных уголках России. Мне пришла в голову мысль, что университету Висконсина было бы интересно иметь такую коллекцию, и я рассматривал возможность передачи ее в дар. Хотя коллекция картин и содержит некоторые исключительно прекрасные работы, она не может, с точки зрения искусства, считаться одной из самых важных, но вместе с тем она интересна и познавательна. А вот все иконы относятся к высшему типу данного вида живописи. Они исключительны и весьма уникальны... Они отобраны ведущими техническими экспертами по иконам, связанными с советским правительством и, в частности, с Третьяковской галереей. Они охватывают лучшие типы икон различных периодов». Выдержки из официального объявления губернатора Ла Фоллетта о принятии коллекции 20 мая 1937 года: «Передача послом Дэвисом своей коллекции в дар университету – великодушный и щедрый поступок. Это выдающийся художественный вклад в развитие университета, который будет особенно цениться благодаря дарителю».

13.00 – заключительный день суда. Выслушали Радека, Сокольникова, Сыкинского, Серебрякова и других, выступивших с последними заявлениями. Перерыв в 3 часа дня.

16.00 – вместе с Марджори и Э.К. позвали мадам Литвинову на чай.

17.15 – Заехал в посольство Турции.

17.30 – Заехал в персидское посольство.

21.00 – Пошел спать – смертельно устал.

Когда мы приехали, мадам Литвиновой в Москве не было. Поползли характерные слухи о том, что ее «ликвидировали», что она исчезла и т. д. и т. п. Нас с Марджори и Э.К. пригласили на чай в дом на Спиридоновке – старинный особняк, используемый правительством в развлекательных целях. Мадам Литвинова встретила нас со всем самообладанием очаровательной англичанки, коей она и является. Она была на Урале и преподавала «базовый английский», которым весьма интересуется. Она подавала все признаки обаяния и ума, но, что характерно, уделяла мало внимания своей внешности. У нее красные, с потрескавшийся кожей руки. Она сестра моего старого друга, сэра Сиднея Лоу, которого я знал в Вашингтоне во время Великой войны. Именно в Лондоне она познакомилась с Литвиновым и вышла за него замуж.

ЗА КУЛИСАМИ МОСКОВСКИХ ПРОЦЕССОВ

№ 57 Москва, 17 февраля 1937 года

ДОСТОПОЧТЕННОМУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ СЕКРЕТАРЮ СУДЕБНЫЙ

ПРОЦЕСС НАД ГРУППОЙ РАДЕКА ПО ДЕЛУ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЗМЕНЕ (23–30 ЯНВАРЯ)

Совершенно секретно

Сэр!

Имею честь сообщить следующее относительно ряда особенностей и впечатлений в связи с недавним так называемым процессом Троцкого – Радека о государственной измене.

Политический фон

Этот процесс стал следствием убийства Кирова, произошедшего в декабре 1934 года. Киров был одним из видных партийных деятелей в правительстве Сталина, который работал в Ленинграде, и его убийство произвело в стране настоящий переполох. В депешах, поступивших в Департамент в то время, указывалось, что это вызвало большую активность и беспокойство руководителей правительства в Москве и что сам Сталин, Ворошилов, нарком обороны, и прочие руководители правительства лично поспешили выехать на место преступления, очевидно опасаясь, что существует широкомасштабный заговор с целью свержения

правительства Сталина. Следствием инцидента стал процесс над Каменевым и Зиновьевым, проходивший в Москве с 19 по 24 августа, когда семнадцать обвиняемых были привлечены к суду, признаны виновными и впоследствии расстреляны. Нынешний процесс берет свое начало из того же источника как в силу откровений, сделанных на суде, так и на основании якобы обнаруженных впоследствии улики.

Обвиняемых на данном процессе было семнадцать человек, из них пять или шесть видных политических лидеров. Остальная публика была разношерстная – инженеры, разного рода аферисты и тому подобные малоизвестные субъекты, которые, как утверждалось, использовались как инструмент для шпионажа, саботажа, терроризма и совершения различных преступных деяний. Обвинительное заключение строилось на конкретных уголовных законах. Подсудимых обвиняли в измене Родине, шпионаже, саботаже и в террористической деятельности в целом.

Уголовный кодекс

Есть вполне конкретные законодательные определения, запреты и наказания. Эти законы действуют с 1 января 1927 года. Соучастник признается виновным наравне с исполнителем преступления. Даже участие в любой организованной преступной политической деятельности, равно как и подготовка к совершению любого из таких деяний, влечет за собой такое же наказание, какое предусмотрено за конкретное преступное деяние. Уголовный кодекс основан прежде всего

на возвеличивании и укреплении роли государства. Наказания за преступления против государства гораздо более суровы, чем за преступления против имущества или даже жизни граждан. Максимальное наказание за обычное убийство, совершенное из жадности, корыстолюбия и т. п., составляет десять лет лишения свободы, в то время как максимальное наказание за преступление против государственной собственности – смертная казнь. Еще одна особенность уголовного законодательства, последствия которой со всей очевидностью проявились на этом процессе, – отсутствие градаций наказания. Так, например, согласно показаниям Радека, когда в 1935 году, после четырехлетнего участия в заговоре с целью свержения правительства и когда он уже подумывал о «чистосердечном признании», поскольку условия изменились настолько, что и его взгляды стали совершенно отличными от тех, которых он придерживался в 1931 году, он оказался в положении, когда максимальное наказание уже было ему вменено.

Предыстория основных фигурантов

Чтобы оценить эту ситуацию, следует иметь в виду, что практически все главные обвиняемые с ранней юности воспитывались в атмосфере заговора против установленного порядка. Как представители интеллигенции, в молодости, в свои университетские годы, они участвовали в заговоре против царя и в своей такой деятельности чуть ли не ежедневно сталкивались со смертью – вплоть до успешного завершения

революции. То есть заговор был их врожденной чертой.

После смерти Ленина в 1924 году между лидерами развернулась борьба за преемственность. Двумя самыми видными претендентами были Троцкий и Сталин. Первый представлял собой яркую, разностороннюю, динамичную личность, второй, грузин по национальности, был простым в общении, трудолюбивым, работоспособным. Это гений организации, человек большой физической силы и недюжинного ума, а вдобавок – восточного терпения. Будучи секретарем Коммунистической партии, он медленно создавал свою партийную машину, которая в итоге привела к поражению Троцкого и его окончательному изгнанию из страны в 1927 году. Очевидно, что борьба в тот период являла собой не столько конфликт принципов, сколько противостояние именно этих двух личностей, на что указывает и тот факт, что многое из того, что сейчас отстаивает Сталин, было частью программы Троцкого. Здесь следует сделать оговорку, что Сталин, очевидно, даже в те дни был расположен к программе развития коммунистической идеи в России как «первоочередного дела», оставляя мировую революцию идти своим путем, в то время как Троцкий и тогда, и сейчас оставался горячим сторонником идеи о том, что первоочередная задача – это именно мировая революция. В течение всего этого периода Троцкий привлек к себе очень большое число восторженных приверженцев среди лидеров партии. После его падения эти люди были высланы в глубинку и лишены постов в прави-

тельственных учреждениях. Позднее некоторые из них отказались от своих слов, были приняты обратно в партию и вновь получили официальные должности. Однако над ними всегда висела тень подозрения. Никому из них не были доверены самые высшие посты, и существует мнение, что нынешние власти никогда бы им их не доверили. Вот такими были шесть главных обвиняемых на суде.

Другие условия, существенные для понимания ситуации

Следует также помнить, что именно Сталин разработал пятилетний план в 1929 году после изгнания Троцкого. Он включал в себя как программу индустриализации, так и программу коллективизации сельского хозяйства. В 1931 и 1932 годах, когда, как утверждалось, возник заговор, эти планы подвергли население ужасающим лишениям. Тогда условия были определенно намного хуже, чем в 1935 году. Результаты планов стали указывать на возможность их успешного выполнения лишь в 1934 и 1935 годах. Признается, что в 1935 году сталинский режим был намного сильнее, чем в 1931 году. На улучшение ситуации неоднократно ссылаются в ходе дачи показаний главные обвиняемые как на оправдание перемены собственных взглядов и окончательную причину для раскаяния и признания.

Еще один фактор, лежащий в подоплеке этого необычного процесса, заключается в том, что коммунизм для этих людей равносителен религии. Преданность ему поистине фанатична.

Зал суда и атмосфера

Я усердно следил за судебным процессом, который длился шесть дней. Накал страстей был потрясающим. Заседания проходили в длинном помещении с высокими потолками, которое при старом режиме являлось частью модного московского клуба. По обе стороны центрального прохода располагались ряды кресел, на каждом заседании полностью занятых различными группами «работников», за исключением нескольких рядов в центре зала, отведенных для корреспондентов, местных и иностранных, а также для представителей дипломатического корпуса. Упомянутым группам «работников», как мне сообщили, вменялось в обязанность доставлять подробные отчеты о процессе в свои организации⁹. Трое судей, все в форме, председательствовали на возвышении в передней части зала. Они являлись членами Военной коллегии, входящей в состав Верховного суда и отвечающей за проведение судебных процессов по делам о преступлениях против государства. Место для свидетелей пред-

⁹ Ниже приводится выдержка из письма президенту, датированного 4 февраля 1937 года: «Во время послеобеденных перерывов, с 4 до 6 часов дня, я заходил в различные учреждения, магазины и т. п.; и в каждом месте собирались группы от 20 до 60 человек, перед которыми выступал какой-нибудь человек, описывающий судебный процесс и злодеяния обвиняемых. Такое, как мне сообщили, происходило по всей стране, а радио работало без перерыва. Их политическая и пропагандистская организация проникает буквально в каждый уголок. Самая низшая единица, называемая „ячейкой“, состоит из трех членов партии, которым поручена организация их конкретного подразделения. Если бы сюда приехал Джим Фарли, то мог бы почерпнуть немало полезных советов».

ставляло собой часть платформы, расположенной на высоте около пяти футов над уровнем пола, в центре которой находилось углубление; ложа свидетелей представляла собой трибуну (высотой около фута) в этом углублении, располагалась напротив председательствующего судьи, примерно в восьми футах. В углублении также находились столы для адвокатов защиты. По правую сторону от помоста сидели подсудимые, отгороженные простыми деревянными перилами высотой около трех-четырех футов (своего рода скамья присяжных). Они сидели в четыре ряда по четыре стула в каждом, лицом к центру углубления. С интервалом в тридцать минут входили четыре солдата под командованием офицера и обступали обвиняемых со всех сторон, кроме стороны, выходящей к углублению. На противоположной стороне, на помосте, сидели прокурор и два его помощника, один из них – в военной форме. Суд собирался в полдень, в 12 часов, каждый день, и заседания длились – с тридцатиминутным перерывом – до 4 часов. Они возобновлялись в 6 часов и заканчивались в 10 часов вечера.

Процесс

Судебное заседание началось с зачитывания обвинительного заключения секретарем суда. Оно представляло собой длинный перечень предполагаемых преступлений, изложенный с большими подробностями, – приводилось много доказательств. Утверждения о наличии якобы подтверждающих доказательств в виде письменных документов произве-

ли некоторую сенсацию среди журналистов и дипломатических обозревателей. Были ли серьезные расхождения между утверждениями обвинительного заключения и представленными документальными доказательствами, по ходу процесса сказать было невозможно, поскольку сами документы в одних случаях представлены не были (утверждалось, что они были уничтожены как самообвиняющие), а в других случаях лишь упоминались в ходе дачи показаний или были подготовлены для представления военному суду в камерах.

В ответ на вопрос главного судьи каждый из подсудимых поднимался и признавал себя виновным. Перед скамьей обвиняемых были удобно размещены микрофоны. Прокурор, имея перед глазами записи, которые, очевидно, представляли собой подписанные признания, задал сравнительно немного вопросов, после чего каждый подсудимый рассказал в хронологическом порядке о своей преступной деятельности. Прокурор вел дело спокойно и в целом с достойной восхищения сдержанностью.

Во внешности обвиняемых не было ничего необычного. Все они выглядели накормленными и физически нормальными. В течение первых нескольких дней процесса они проявляли значительное любопытство к толпе и, хотя и были серьезны, не казались сильно обеспокоенными. Однако по мере продолжения процесса в их позах все больше проявлялось отчаяние: они обхватывали голову руками или опускали ее на перила. В целом все внимательно слушали показа-

ния главных обвиняемых. Похоже, для многих из них некоторые детали показаний стали неожиданностью.

Комментарии к показаниям и главные обвиняемые

Основными обвиняемыми были Пятаков, Радек, Сокольников, Серебряков и Муралов. Пятаков выступал первым и стоял перед микрофоном лицом к прокурору напротив углубления и выглядел как профессор колледжа, читающий лекцию студентам. Он был помощником народного комиссара по тяжелой промышленности, по слухам, в значительной степени отвечал за успех пятилетнего плана и, как утверждалось, происходил из старой производственной семьи. В деталях, спокойно и беспристрастно, он изложил историю своей преступной деятельности. По мере того как он продолжал свой рассказ (как и другие), его показания прерывались прокурором, который обращался к тому или иному подсудимому с просьбой подтвердить некоторые конкретные случаи, которые он описывал. Иногда они изменяли или оспаривали некоторые факты, но в основном подтверждали то, что совершили преступления. При этом подсудимые выглядели на редкость невозмутимыми. Особенно я отметил, что после того, как вызвали Серебрякова, старого железнодорожника, для подтверждения факта совершения особо тяжкого преступления (что он и сделал в лаконичной манере), он потом уселся как в ни в чем не бывало и даже зевал.

Радек, второй обвиняемый, был человеком совсем другого склада (невысокий и коренастый, но с агрессивным и яр-

ким характером) и скорее доминировал в зале суда. Он был одет как крестьянин, а его характер подчеркивали бакенбарды под подбородком. Его позиция заключалась в том, что он, как само собой разумеющееся, являлся одним из политических лидеров заговора и что хотя лично и не участвовал в конкретных преступлениях, но знал о них и принимал на себя ответственность, не пытаясь уклониться. Однако он постоянно настаивал на том, что это все «рукотворные» преступления, и неизменно оправдывал себя тем, что они носили политический характер и совершались ради дела, в которое он тогда верил. У Радека произошло несколько острых стычек с прокурором, и он не остался в проигрыше. На протяжении всего выступления он демонстрировал бодрость духа, но в последнем слове он попросил суд не забыть, что именно он раскрыл заговор Троцкого, подразумевая, что если бы не он, то правительство ничего не смогло бы раскрыть. Серебряков был как тихоня-пират, который (с лицом херувима) резал глотки, а теперь непринужденно перечислял свои мерзости. В его поведении ощущалась покорность. Сокольников, бывший посол в Лондоне, помощник народного комиссара иностранных дел, был совсем иного склада: с круглым лицом, смуглым, с высоким лбом. Он вновь выступил с, казалось бы, беспристрастной лекцией о своем участии в заговоре, логично и четко изложил причины, побудившие его с соратниками вступить в заговор с Японией и Германией. Все это якобы произошло потому, что у

него не было возможности реализовать свои планы по улучшению положения русского народа внутри страны, поскольку у правительства Сталина слишком прочные позиции, и его не свергнуть за счет массовых выступлений внутри страны. Исторически у них были основания полагать, что наилучший для них шанс – прийти к власти через внешнюю войну и благодаря дружественному расположению победителей (немцев) и вероятной благосклонности со стороны других западных держав Европы в последующих мирных соглашениях создать государство поменьше на обломках того, что останется от прежней России.

Муралов был человеком с воинской выправкой и с козлиной бородкой, копной седых волос и тонкими, орлиными чертами лица. Его рост превышал шесть футов, а одет он был в простую темную гимнастерку, застегнутую на все пуговицы. Вел себя с достоинством, выглядел мужественным и прямолинейным. В свое время он занимал высокий командный пост в воинском подразделении в Москве. В той естественной манере, в которой он рассказывал о причинах поддержки Троцкого, которого считал одним из своих старинных и лучших друзей и просто великим человеком, сквозила искренность. По его словам, Троцкий проявил себя именно человеком, в то время как другие порой вели себя «как мыши». Когда Муралов говорил о своих причинах отказа от признания и окончательного самоотвода, то и здесь многое указывало на правду. Он отрицал, что на него оказывалось

какое-либо давление, и заявил, что в течение восьми месяцев отказывался выступить с признанием, потому что был возмущен своим арестом и сделался злым и упрямым; вначале он считал, что предпочел бы умереть как герой и таким образом продвинуть дело, но когда постепенно вник в суть заговора, то окончательно пришел к выводу, что правительство Сталина добилось больших успехов и делает много для русского народа; он ошибался, и теперь его долг состоял в том, чтобы чистосердечно во всем признаться. Остальные обвиняемые – люди совершенно разных слоев – тоже дали подробные показания по поводу своих конкретных преступлений.

Все подсудимые, казалось, стремились навесить на себя обвинение за обвинением – по принципу *mea culpa maxima*¹⁰. Они практически не нуждались в перекрестном допросе со стороны прокурора. В случае с одним подсудимым прокурору пришлось даже предупредить его, чтобы он перешел к делу и не приукрашивал свои показания дополнительными преступлениями. В целом прокурор совершенно не стремился нагнетать обстановку. Видимо, в этом не было необходимости.

По окончании допроса обвиняемых прокурор обратился к суду с длинной речью, основанной частично на доказательствах, но в основном на посторонних исторических фактах. Это было хорошо построенное, мастерское выступление.

¹⁰ Моя величайшая вина (*лат.*).

Последнее слово обвиняемых

Подсудимый Пятаков в своем последнем слове не просил о пощаде, как и Шестов, который был главным фигурантом в деле о самых чудовищных преступлениях. Шестов, по сути, заявил, что заслуживает смерти и хочет умереть. Радек не просил о помиловании, разве лишь косвенно, как и Муралов. Сокольников просил, но в весьма сдержанной форме. Остальные, все без исключения, просили о помиловании.

После завершения этих «последних просьб» суд объявил перерыв и через пять часов вынес свой вердикт.

Приговор суда

Все подсудимые были признаны виновными и осуждены в соответствии со степенью тяжести совершенных преступлений. Пятаков и Серебряков, как члены антисоветского троцкистского центра и организаторы измены, шпионажа, вредительства и террористической деятельности, были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу. Одиннадцать человек, в том числе Муралов, как организаторы и непосредственные исполнители преступлений, были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу. Двое, Радек и Сокольников, как члены антисоветского троцкистского «параллельного центра» и ответственные за его преступную деятельность, но не принимавшие непосредственного участия в организации и исполнении конкретных преступлений, были приговорены к десяти годам лишения свободы. Двое других, Арнольд и Стройлов, были приговорены к лишению свобо-

ды на десять лет за конкретные преступления, в которых они обвинялись. Приговор также предусматривал конфискацию личного имущества всех осужденных и лишение каждого на пять лет политических прав. Милосердие, проявленное к Радеку и Сокольникову, вызвало всеобщее удивление.

Общие замечания

С точки зрения Запада, самым необычным в данном судебном процессе является то, что он вообще состоялся. Все обвиняемые признали себя виновными. Суду ничего не оставалось делать, кроме как выслушать возможные мольбы о помиловании и вынести решение по факту и назначить наказания обвиняемым. Но здесь был устроен целый процесс, который длился шесть дней и в ходе которого, предположительно, были представлены все доказательства, которые только мог представить обвинитель, – с нашей точки зрения, совершенно бесполезный процесс. Вероятно, власти преследовали здесь две цели.

Негласно признается одно, а именно: что событие было инсценировано в пропагандистских целях. Оно был задумано, во-первых, как предупреждение всем существующим и потенциальным заговорщикам и конспираторам в Советском Союзе; во-вторых, для дискредитации Троцкого за рубежом; в-третьих, для укрепления народной поддержки правительства против иностранных врагов – Германии и Японии. Во время процесса использовались любые средства пропаганды, чтобы донести до всех уголков страны ужасы этих

признаний. Газеты пестрели не только детальными отчетами о ходе суда, но и самыми яростными и злобными комментариями в адрес обвиняемых. Радио также вещало без перерыва.

Другой вероятной целью было раскрыть перед общественностью в открытом суде добросовестность признаний обвиняемых. Если бы эти признания были сделаны «в камерах» или представлены за подписями обвиняемых, их подлинность могла быть опровергнута. Факт признания никогда нельзя оспорить перед лицом устных самообвинений, сделанных «в открытом суде».

По мнению многих наблюдателей, настоящее дело отличалось от предыдущих процессов тем, что здешние признания стали практически единодушными, а также появилось больше подтверждений и все больше незаинтересованных наблюдателей сходятся в том, что доказано существование фактического заговора против советского правительства.

Вместе с переводчиком я внимательно слушал все выступления на суде. Естественно, вынужден признаться, что к показаниям обвиняемых был настроен недоверчиво. Единодушные признаний обвиняемых, факт их длительного содержания под стражей (без права переписки, то есть, по сути, без связи с внешним миром) с возможностью принуждения и оказания давления на них самих или на их семьи – все это вызывало у меня серьезные сомнения в достоверности их показаний. Однако, рассматривая их объективно и основывая

ясь на собственном опыте в рассмотрении дел и применении критериев достоверности, которые дал мне прошлый опыт, я пришел к неохотному выводу, что государство доказало свою правоту, во всяком случае, в той мере, в какой оно доказало существование обширного заговора среди политических лидеров против советского правительства, и что в соответствии с его законами были зафиксированы преступления, перечисленные в обвинительном заключении. Однако в подсознании остается некоторая оговорка, основанная на фактах, что как система исполнения наказаний за нарушение закона, так и психология этих людей настолько сильно отличаются от нашей собственной, что, возможно, мерки, с которыми здесь подошел бы я, не совсем пригодны. Предполагая, однако, что в основном человеческая природа везде одинакова, я все же остался под впечатлением многочисленных признаков достоверности, всплывающих по ходу процесса. Допустить, что данный процесс был специально задуман и разыгран как проект грандиозного политического вымысла, означало бы предположить творческий гений Шекспира и гений Веласко в сценической постановке. Достоверность показаний также придают исторический фон и сопутствующие обстоятельства. Доводы, которые Сокольников и Радек приводили в оправдание своих деяний и ожидаемых результатов, вполне правдоподобны. Косвенные детали, которые те или иные обвиняемые приводили в своих показаниях, порой удивляя даже прокурора и других обвиняемых,

непреднамеренно подтверждали суть обвинения. Манера дачи показаний различными обвиняемыми и их поведение на трибуне также имели для меня значение. Беспристрастные, логичные, подробные показания Пятакова, их отчаянная откровенность выглядели убедительно. Так же и с Сокольниковым. Особенно сильное впечатление произвел на меня старый генерал Муралов. Он держал себя с достоинством, с прямой старого солдата. В своем «последнем слове» он заявил:

«Я отказался от защитника, я отказался от защиты, потому что я привык защищаться годным оружием и нападать. У меня нет годного оружия, чтобы защищаться... В этом я не смею никого обвинять, в этом я сам виноват. Это моя вина, это моя беда».

Обвиняемые в менее тяжких преступлениях, являвшиеся лишь инструментами, орудиями в чужих руках, в мельчайших подробностях изложили хронику своих преступлений и во многих случаях давали понять, что то, о чем они говорят, они произносят впервые. Эти и другие факты, которые бросались мне в глаза, заставили меня поверить, что в показаниях, возможно, было много лишнего, но правда об определенном политическом заговоре с целью свержения нынешнего правительства все же проступала наружу.

Исходя из материалов данного дела мне трудно представить, чтобы какой-либо суд любой юрисдикции поступил иначе, не признав подсудимых виновными в нарушении за-

кона, изложенного в обвинительном заключении и определенного соответствующего статутами.

Я побеседовал со многими, если не со всеми находящимися здесь членами дипломатического корпуса, и, за, возможно, единственным исключением, все они считают, что в ходе разбирательства было четко установлено наличие политического заговора с целью свержения правительства.

Что касается показаний обвиняемых, то в дипломатическом корпусе нет единства мнений по поводу предполагаемого соглашения Троцкого с Японией и Германией. Логическое обоснование такого плана, спокойно обсуждаемое и обосновываемое Сокольниковым, а также Радеком, имело значение для тех, кто указывал, что оно соответствует поведению Ленина при захвате власти с помощью германской армии в 1917 году и подъему социал-демократов в раздираемой войной Германии. На других же эта часть показаний впечатления не произвела. Но все согласны с тем, что сам факт заговора против действующего правительства установлен.

Настолько ужасными оказались впечатления от этого суда, насколько вдохновляющими были воспоминания от Конституционного съезда.

С момента окончания суда все время ходят слухи о массовых арестах в разных частях России интеллигенции и сведущих в политике людей, якобы являющихся участниками троцкистского заговора. Вдобавок распустили нелепые слу-

хи о том, что в тюрьме уже сидят вдова Ленина, некий маршал революции, исполняющий обязанности наркома обороны и другие высокопоставленные лица. Поговаривают также, что нарком обороны Ворошилов выступил на Москву, что арестован нарком иностранных дел Литвинов и так далее и тому подобное. Насколько мне известно, слухи про Ворошилова и Литвинова не соответствуют действительности. Остальные тоже могут быть преувеличены.

Интересно отметить, что в начале революции Ленин и другие революционеры-интеллектуалы договорились (по слухам) между собой, что учтут уроки Французской революции и не позволят междоусобной борьбе породить контрреволюцию. На данный момент единственными, по сути, из тех «первых» вождей большевиков остались Сталин, Калинин и Ворошилов. Все остальные были изгнаны из страны либо уже мертвы, многие «ликвидированы» или расстреляны. Несмотря на признание опасности разрушения их идеала вследствие амбиций, человеческая природа вновь заявила о себе, как и во время Французской революции, только темпы здесь были медленнее.

Среди представителей дипломатического корпуса, а также американских журналистов, преобладает мнение, что правительство Сталина основательно укрепилось у власти и в отсутствие внешней войны продержится еще очень долго.

В заключение хочу сказать, что весь описанный судебный процесс и сопутствующие обстоятельства шокируют на-

шу психику. Однако он является мощнейшей демонстрацией тех благ, которые дает реальная конституционная защита личной свободы. Право обвиняемого иметь адвоката до суда, право отказаться свидетельствовать против себя и, прежде всего, презумпция невиновности и применение старого принципа общего права, согласно которому лучше сбежит тысяча виновных, чем будет несправедливо осужден хоть один невиновный, – все это приобретает реальное значение, когда сталкиваешься с подобным процессом.

Имею честь кланяться, с уважением

Джозеф Э. Дэвис

ЗАСТУПНИЧЕСТВО ЗА ВЛАДИМИРА РОММА

№ 47 Москва, 12 февраля 1937 года

ДОСТОПОЧТЕННОМУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ СЕКРЕТАРЮ

ПО ПОВОДУ ИНЦИДЕНТА С РОММОМ НА ПРОЦЕССЕ НАД ГРУППОЙ РАДЕКА И ДРУГИМИ ПО ДЕЛУ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЗМЕНЕ

Совершенно секретно

Сэр!

Имею честь сообщить об инциденте, произошедшем в связи с судебным процессом по делу Радека о государственной измене, который, для протокола, должен быть представ-

лен в Департаменте.

Во время судебного процесса над Радеком г-н Уолтер Дюранти из газеты «Нью-Йорк тайме» пришел ко мне с телеграммой, которую получил от группы журналистов в Соединенных ЕПтатах и которая гласит следующее:

«Все члены вашингтонского газетного корпуса с тревогой прочитали об аресте нашего коллеги Владимира Ромма из „Известий“. В наших отношениях с Роммом мы считали его настоящим другом и защитником СССР. Ни разу он не проявил даже намека на отсутствие симпатии или нелояльность к нынешнему правительству. Для популяризации сталинского режима в этой стране он сделал больше, чем любой другой советский посланник. Надеемся, что эти рекомендации станут убедительным ручательством для судей и что вы попросите посла Дэвиса также передать эти заверения».

Я весьма внимательно следил за показаниями Ромма. Когда он закончил, стало совершенно очевидно, что с моей стороны было бы неуместно привлекать какое-либо официальное внимание к этому вопросу, по крайней мере в то время. Уместность такой позиции была единодушно поддержана присутствующими здесь американскими журналистами.

К настоящему письму прилагается копия личного и конфиденциального письма, которое я отправил мистеру Артуру Кроку из газеты «Нью-Йорк тайме», объясняя сложившуюся ситуацию.

Перечень приложений:

*№ 1. Копия письма от 26 января 1937 года, адресованного
послом Дэвисом г-ну Артуру Кроку.*

26 января 1937 года

ЛИЧНО И КОНФИДЕНЦИАЛЬНО

Г-НУ АРТУРУ КРОКУ

Дорогой Артур!

Уолтер Дюранти показал мне телеграмму, которую получил от членов Ассоциации прессы Конгресса со списком подписей, включая и вашу собственную, со ссылкой на тяжелое положение Ромма.

Конечно, я проникся к нему сочувствием и с глубочайшим интересом и беспокойством наблюдал за его показаниями.

В день получения вашего сообщения Ромм был помещен на скамью свидетелей. Его показания были весьма необычными. Без подсказок прокурора и наводящих вопросов он рассказывал очень четко и просто, в хронологическом порядке. Он рассказал, что был близким другом Радека, что через него получил свою должность. Потом он весьма подробно описал, как в нескольких случаях выступал в качестве «посредника» между Радеком и Троцким и сыном Троцкого, Седовым, доставляя туда-сюда письма (вшитые под обложки немецких книг). Он заявил, что поначалу был приверженцем Троцкого, а после разговора с Седовым в 1931 или 1932 году стал членом организации Троцкого. Эти пись-

ма, о которых свидетельствовали Ромм и другие обвиняемые, легли в основу их обвинения в заговоре. Они использовались для установления того, что Троцкий вместе с обвиняемыми замыслил свержение нынешнего российского правительства путем саботажа, терроризма, убийств и для разжигания пораженческих настроений среди населения и активного участия вместе с Японией и Германией – при посредничестве иностранных шпионов – в разжигании в ближайшем будущем войны против России. Главной направляющей силой здесь была Германия. В результате заговорщики предполагали прийти к власти в новой – и меньшей по территории – Советской Республике – после расчленения Советского Союза и уступки Украины Германии, а приморских государств и сахалинских нефтяных месторождений – Японии.

В обвинительном акте перечисляются бесчисленные нарушения действующего законодательства Советского Союза и установлено бесспорное наличие контрреволюционного террористического заговора. Ромм также заявил, что для связи с Троцким он использовал государственные учреждения, в том числе телеграфное агентство (ТАСС).

Несчастный не оставил себе ни единого шанса. Правда, он заявил, что с 1934 года, когда уехал в США, прекратил всякое дальнейшее участие в упомянутых планах.

Хотя он производил довольно мрачное впечатление, физически он выглядел здоровым, и, насколько я мог судить, его показания вполне заслуживали доверия.

В сложившихся обстоятельствах никто не мог оказать ему никакой помощи.

Я бы с радостью сделал все, что мог, лишь бы помочь бедняге, особенно учитывая ваш к нему интерес у нас в стране. Но, в конце концов, он советский гражданин, который знает советские законы и действовал с открытыми глазами. И конечно, здешняя ситуация — исключительно их дело, и любое мое вмешательство, особенно будь моя просьба отклонена, могло бы поставить администрацию в неловкое положение. В данных обстоятельствах это было бы весьма неуместно.

Сразу же по окончании заседания я пригласил наших корреспондентов, включая Дюранти, Дьюэла, Наттера и Бесса, к себе в резиденцию перекусить, и мы вместе подробно все обсудили. В оценках происходящего все были со мной единомышленны.

Среди здешних корреспондентов преобладает мнение, что независимо от мотивов, которые могли подтолкнуть на столь необычные массовые признания, обвиняемые в целом говорят правду, по крайней мере частично, и что обвинение представило убедительные доказательства существования широко распространенного заговора Троцкого с целью уничтожения нынешнего правительства. Здесь мы снова усматриваем параллель с Французской революцией.

Лично мне было очень интересно следить за этим процессом, и я присутствовал на каждом заседании.

Если бы требовалась какая-либо демонстрация мудрости

и целесообразность принципов англосаксонской юриспруденции для защиты обвиняемого с помощью презумпции невиновности, права на адвоката, права на отказ свидетельствовать против самого себя, предписания habeas corpus¹¹ и здравого смысла англосаксонского права от Magna Charta¹² до Билля о правах, то она была бы найдена в этом процессе. Такие процессы, даже когда дьявол не врал Христу: «Знаю, что Ты Сын Божий», иногда могут установить истину, но Бог всячески оберегает индивидуальную свободу и личные права в любом случае, независимо от их юридического подтекста.

Пишу это вам лично и без протокола¹³.

¹¹ Название происходит от начальных слов приказа судьи «Habeas corpus ad subjiciendum» – «Ты обязан доставить человека в суд». Предписание хабеас корпус приказывает тем, кто содержит заключенного, привести его к судье, чтобы суд мог проверить правовые основания его содержания под стражей.

¹² Великая хартия вольностей.

¹³ В письме своему другу Артуру Кроку я не написал, что собираюсь в неофициальной обстановке обсудить этот вопрос кое с кем из советского правительства, потому что не был уверен в правильности такого шага. Как обычно, большую помощь оказал Хендерсон. Я обсудил с ним этот вопрос, и он, похоже, счел, что с дипломатической точки зрения не будет таким уж неуместным, если я обсужу такого рода личный вопрос с соответствующими должностными лицами и если четко обозначу, что делаю это не в своем официальном качестве. И вот я встретился с президентом Калининым, премьером Молотовым и министром иностранных дел Литвиновым. «Очевидно, – сказал я, – целью дипломатического представительства в Соединенных Штатах и в Москве является содействие дружественным отношениям и лучшему взаимопониманию». Поэтому я взял на себя смелость лично и совершенно неофициально предложить им серьезно рассмотреть вопрос о Ромме. Я подробно остановился на способностях, высоком

Искренне ваш,
Джозеф Э. Дэвис

Дневник Москва, 30 января 1937 года

13.00 – заезжал посол_____. Он крайне настроен против советского режима. Что касается процесса над группой Радека, который стал сенсацией для дипломатического корпуса на этой неделе, он считает, что все подстрое-

характере, положении и позиции американских журналистов и на том, что это не может не оказать благотворного влияния на общественное мнение в Соединенных Штатах, если советское правительство сможет учесть их мнение относительно верности Ромма своему правительству в том, что касается его поведения в Вашингтоне. Вполне уместно, что свидетельства такого рода должны быть рассмотрены в связи с вопросом о виновности Ромма. Предложение было воспринято со всей учтивостью. Молотов заявил, что ценит мои добрые намерения и приветствует высказанные предложения. С другой стороны, сказал он, к сожалению, «господа журналисты» в Вашингтоне не в курсе всех фактов. Поэтому он надеется, что свои окончательные суждения они отложат до тех пор, пока не будут вскрыты все факты. Его правительство не может брать на себя никаких обязательств до тех пор, пока вся ситуация не будет тщательно изучена. Если, однако, останутся сомнения, они с большим вниманием отнесутся к заявлениям американских журналистов в Вашингтоне. Я уехал с ощущением, что если что-то еще можно сделать, то это обязательно будет сделано. Конечно, бедняга Ромм не оставил себе шансов после того, как закончил давать показания в открытом суде. В любом случае он не был предан публичному суду, и мне сообщили, что его отправили на работу в глубинку. Когда позже я беседовал об этом деле с послом Уманским, тот сказал, что именно акция американских газетчиков спасла ему жизнь, поскольку «сведения о деятельности Ромма весьма невеселые».

но и продиктовано внутренними распрями между старыми большевиками. Он считает, что признания добыты с помощью всевозможных угроз и физического воздействия на обвиняемых. Мне он рассказал необычную историю, которую только сам что услышал. Оказывается, на Украине арестован польский гражданин по обвинению в шпионаже. Польское посольство, как он понял, не смогло добиться его освобождения, поэтому арестовало двух видных советских деятелей в Польше. Это привело к обмену заключенными на границе. Поляк оказался весьма больным человеком, был взят под наблюдение и госпитализирован польскими медиками. Те пришли к выводу, что тот в бессознательном состоянии был накачан атропином или каким-то подобным препаратом, который ему вводили в пищу с целью ослабления воли¹⁴. По его

¹⁴ В последующем обсуждении этого «атропинового» отчета другой дипломат из соседней страны заявил, что не стал бы верить этой истории в силу ее предвзятости и враждебности. Он сослался на описание Брюсом Локкартом препарата («британский агент»), который получал, когда был арестован по подозрению в причастности к покушению на Ленина, а также привел заявления об отрицании принудительных мер третьей степени со стороны обвиняемых на процессах о государственной измене. Тем не менее ради той ценности, которую оно может представлять, вот это заявление. Советское правительство опубликовало английские переводы материалов этих двух судебных процессов о «чистках», на которых я присутствовал. С согласия Министерства иностранных дел я смог приобрести пятьдесят или шестьдесят дубликатов каждого из них, которые послал различным друзьям в Соединенных Штатах. Возможно, читателю будет интересно узнать, что два весьма известных юриста, один из которых был помощником генерального прокурора при администрации президента Вильсона, distinguished Чарльз Уоррен, автор недавней книги о Верховном суде США, а другой – distinguished Сет В. Ричардсон, помощник генерального прокурора при ад-

мнению, это стало одной из причин нынешних признаний на суде. Он также предположил, что причиной признания Ромма был тот факт, что жену и ребенка Ромма побудили приехать в Россию и что сам Ромм был вынужден вернуться, опасаясь невольно причинить им вред. Это, по его словам, было чистым предположением с его стороны. Это первое конкретное заявление, которое я услышал на фоне общих слухов об употреблении наркотиков, и оно из предвзятого источника.

А на Красной площади устроили всенародное празднование по поводу вынесенных военным судом приговоров. В тот вечер можно было наблюдать необычное зрелище: толпы восторженно марширующих мужчин и женщин демонстрировали явное удовлетворение от того, что «предатели раскрыты и наказаны»¹⁵.

Москва, 18 февраля 1937 года

министрации Гувера, сказали мне, что с интересом ознакомились с материалами процесса и что каждый из них пришел к выводу, что, по их мнению, представленные доказательства не предполагали никакого другого приговора, кроме обвинительного.

¹⁵ В деле Бухарина, год спустя, одной из самых необычных особенностей процесса было заключительное выступление – «последнее слово» Бухарина. Он обсуждал упомянутые признания. Во время последнего процесса он прочитал книгу Фейхтвангера, которую нашел в тюремной библиотеке, и последовательно разбирал различные объяснения или теории, выдвинутые в ней, и заявлял, что они «все неверны». Среди них была теория «наркотика».

СЕНА ТОРУ ДЖЕЙМСУ БАЙРНСУ

Мой дорогой Джим!

На этом процессе по делу о госизмене основным пороком процедуры, с нашей точки зрения, было подчинение прав личности государству. Что касается подобных судебных процессов, как и в некоторых других европейских странах, существует теория, согласно которой обвиняемый обязан дать показания государству после того, как будет доказано *prima facie*¹⁶.

Гарантии общего права для защиты личной свободы человека от возможных притеснений со стороны правительства, такие как право обвиняемого на адвокатскую помощь при аресте, право отказаться свидетельствовать против себя, постановление *habeas corpus*, право требовать от государства доказательства вины вместо того, чтобы обвиняемый доказывал собственную невиновность, никогда не производили на меня такого впечатления своей благотворностью в интересах общества, как на этом процессе. Все эти обвиняемые в течение недель и даже месяцев содержались без какой-либо связи с внешним миром. Один за другим они вставляли и рассказывали свою историю совершенно беспристрастно и в мельчайших подробностях, нагромождая одно самообвинение на другое. Преобладающее мнение сводилось к тому, что, если объективно рассматривать ход процесса, пра-

¹⁶ Буквально – с первого взгляда. Концепция подразумевает очевидное и достаточное доказательство, выглядящее достоверным при отсутствии опровержения.

вительство доказало свою правоту, по крайней мере, в части установления факта антигосударственного заговора.

НЕЙМАН О НЕМЕЦКОЙ АГРЕССИИ

ДОСТОПОЧТЕННОМУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ СЕКРЕТАРЮ:

МЕМОРАНДУМЫ О БЕСЕДЕ, СОСТОЯВШЕЙСЯ

**1 ФЕВРАЛЯ 1937 ГОДА МЕЖДУ ПОСЛОМ ДЭВИСОМ
И Г-НОМ НЕЙМАНОМ ИЗ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ**

Конфиденциально

Во второй половине дня 1 февраля 1937 года в сопровождении первого секретаря г-на Хендерсона я посетил г-на Неймана, заведующего 3-м Западным политическим отделом Народного комиссариата иностранных дел. В ходе нашей беседы я сказал ему примерно следующее.

Увиденное в Советском Союзе произвело на меня большое впечатление. Было необычно видеть, как всего за пять-шесть лет Советский Союз предпринял попытку осуществить в сфере индустриализации то, на что у Соединенных Штатов ушло несколько поколений.

Меня особенно интересуют ваши промышленные проблемы, и я надеюсь, что в ближайшем будущем у меня появится возможность совершить поездку по промышленным регио-

нам и посмотреть, что делается на местах. Я хотел бы узнать из первых рук, что именно было сделано, что вы делаете сейчас и что еще предстоит сделать. Особенно хотелось бы получить представление о состоянии вашей сталелитейной промышленности. Несколько лет назад я провел исследование американской сталелитейной промышленности и включил свои выводы в двухтомный трактат, который до сих пор считается авторитетным трудом в этой области. Естественно, я заинтересован в развитии американо-советских коммерческих отношений – но я также искренне симпатизирую усилиям вашего правительства по индустриализации страны и повышению уровня жизни всего населения.

Могу добавить, что я не дипломат. Я юрист с экономическим образованием и бизнесмен и выступаю сейчас скорее как юрист, нежели дипломат. На самом деле Соединенным Штатам настолько повезло в плане географического расположения, что можно сказать, что они практически не нуждаются в дипломатии в мировых делах, в том смысле, как это принято понимать в Европе. Наше главное желание – жить в мире с другими странами и способствовать миру во всем мире.

В ближайшее время я предполагаю посетить Ленинград, а также ряд промышленных районов Украины. Я уже занялся вопросами организации своего проезда по железной дороге, и Народный комиссариат путей сообщения оказал мне в этом большую помощь.

Г-н Нейман ответил, что советское правительство с удовлетворением узнало о моих планах получить представление о происходящих в стране событиях из первых рук, и заверил меня, что советские власти сделают все возможное, чтобы оказать мне всяческое содействие. Он сказал, что обсудит этот вопрос с соответствующими комиссариатами и, возможно, сможет предложить несколько предприятий, которые могут показаться мне интересными для посещения.

Как оказалось, он в курсе, что я присутствовал на суде, и хотел бы знать, каковы мои впечатления. Я ответил, что тот процесс был для меня особенно интересен, поскольку в свое время я был судебным адвокатом в Соединенных Штатах и этот процесс дал мне возможность сравнить советскую судебную процедуру с американской. Мой собственный юридический опыт и объективная оценка происходящего позволяют считать, что в соответствии с их законами и судебной системой правительство четко доказало свою правоту. Однако в ходе судебного разбирательства имели место определенные психологические и другие факторы, которые я оценить не смог, поскольку они чужды моему опыту.

Г-н Нейман отметил, что для него важной особенностью завершившегося процесса является то, как безжалостно вскрыта коварная тактика Германии. По его словам, недавно из надежных источников ему сообщили, что войны, в которых могла участвовать Германия, нацисты разделяют на две категории, а именно: полностью иностранные

и частично иностранные. Он узнал, что нацистские лидеры и немецкие военные власти придерживаются мнения о том, что до 1938 года Германия не будет готова к участию в полностью иностранной войне, то есть таковой, в которой наступление извне не сопровождалось бы восстанием внутри страны, но что она может без особой спешки вступить в частично иностранную войну, то есть войну, в которой нападение извне будет сопровождаться гражданской войной. Испания и Чехословакия уже классифицированы как страны, в которых может вестись частично иностранная война, и прошедший судебный процесс показывает, что Германия надеялась через Троцкого так раскачать советское единство, чтобы перевести Советский Союз в ту же категорию.

Позже г-н Нейман сообщил мне, что некоторые члены промышленного и экономического отделов советского правительства упоминали о моих докладах в качестве комиссара по корпорациям и председателя Федеральной торговой комиссии и что они хорошо известны. Я ответил, что с удовольствием отправлю ему в пользование комплект докладов, которые могут иметь отношение к их промышленности и проблемам соответствующих отраслей¹⁷.

¹⁷ Затем в течение нескольких недель я предоставил им полный набор своих докладов в качестве комиссара по делам корпораций и председателя Федеральной торговой комиссии по стали, пиломатериалам, углю, сельскохозяйственной технике и т. д.

Дневник *Москва, 2 февраля 1937 года*

12 часов ночи – заезжал посланник_____. Он несколько раз бывал в США и в Вашингтоне. Мнение о суде – виновны. Обсуждали Коминтерн.

16.00 – Заезжал Дженкинс, американский инженер. Он строит листопрокатный завод в бассейне реки Дон. Привел интересное описание промышленности этого региона и плотины Купера, второй после плотины Боулдера. Рассказал про алюминиевый завод, листопрокатный завод и т. д. Высокого мнения об интеллекте русских инженеров.

17.15 – Министерство иностранных дел пригласило нас на предварительный просмотр советского кино – сначала короткий фильм о прибытии нашей делегации и встрече с Калининым и главная картина – драма – фильм на революционную тему.

ОБОРОННЫЙ БЮДЖЕТ ФРАНЦИИ

Журнал *Москва, 2 февраля 1937 года*

Французская палата разрешила потратить 14 млрд франков (700 млн долларов) на национальную оборону в течение

следующих трех лет.

Какие разительные отличия от советских показателей! Франция выделяет около 250 млн долларов в год на 1938, 1939, 1940 годы. Россия же планирует потратить в 1938 году – в золотом эквиваленте – в десять раз больше.

Дневник Москва, 3 февраля 1937 года

12.00 – приезжал посланник_____. При обсуждении судебного процесса конфиденциально сообщил, что подсудимые, по его мнению, виновны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.